

18+

Александр Стребков

Курай — трава степей

Александр Стребков
Курай – трава степей

«Издательские решения»

Стребков А.

Курай – трава степей / А. Стребков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-533105-2

Посвящаю своей матери Надежде Викторовне. Роман-хроника о её нелёгкой судьбе, в детские и молодые годы, во времена, когда страна переживала «Великий перелом», а затем лихолетье военного и послевоенного периода.

ISBN 978-5-00-533105-2

© Стребков А.
© Издательские решения

Содержание

ОТ АВТОРА	6
Часть I ПЕРЕЛОМ	8
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	19
ГЛАВА 3	30
ГЛАВА 4	44
ГЛАВА 5	51
ГЛАВА 6	55
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Курай – трава степей

Александр Стребков

© Александр Стребков, 2021

ISBN 978-5-0053-3105-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стребков Александр Александрович. Родился в 1950 году на Кубани в селе Глебовка, Кущёвского района.

За свою жизнь сменил несколько профессий: был военным, железнодорожником, строителем, предпринимателем.

Ранее не печатался.

Роман – хроника: «Курай – трава степей», роман: «Жизнь – жестянка» – книга – 1 и роман – хроника: «Жить запрещено»

являются первыми изданными произведениями автора.

Посвящаю своей матери Надежде Викторовне.

Роман – хроника, о её нелёгкой судьбе, в детские и молодые годы во времена, когда страна переживала «Великий перелом»,

а затем лихолетье военного и послевоенного периода.

На фотодизайне обложки на первом плане с ребёнком на руках героиня романа Надя.

ОТ АВТОРА

В романе нет ни одного вымышленного события, как нет и вымышленных персонажей. Главные герои в произведении проходят под своими именами и фамилиями. У большинства второстепенных действующих лиц фамилии и имена вымышленные, но это не значит, что в жизни их не существовало: все они реальны, жили и здравствовали в то, непростое время. В романе не восхвален по своей сути ни один из участников событий, если конечно он этого не заслуживал, как и нет таких, которых пришлось бы пожалеть, все персонажи представлены такими, какими они были на самом деле в жизни. В некоторых местах произведения разговорная речь написана на том языке, на котором в то время в этой местности говорили все жители – это диалект украинских слов с русской речью в народе называемый – хохлацким. Это сделано для того, чтобы современный читатель более ясно мог представить разговорную речь, общественный уклад, быт и нравы тех людей, о которых здесь рассказано. Чисто русская речь слышалась тогда на Кубани до-

вольно редко: разве что в школах, больницах да в административных учреждениях, где по статусу было положено говорить на чисто русском языке. Роман написан, по содержанию сжато потому как охватывает период более чем в тридцать лет с множеством событий и отдельных случаев. Некоторые из них на первый взгляд имеют второстепенное отношение к главным героям произведения, но это не совсем так потому как всё это происходило рядом с ними порой на глазах у них. События в большинстве своём отрицательные и негативные и в этом повинно время, в котором они тогда жили. Описываемая в романе местность и окружающий природный ландшафт во многом противоречит тому, что мы можем созерцать сегодня вокруг себя. Всего лишь полвека, может быть чуть больше, эта местность выглядела совсем иначе. Прежде всего, из определения:

«Степь» – местность получила новое наименование: «Лесостепь». Первое, что исчезло на просторах Прикубанской низменности, (так она называется географически) – это целинные залежные земли. Вследствие безалаберного и необдуманного распаивания этих земель последовала череда из года в год пыльных бурь. Последняя самая большая пыльная буря была в 1969 году, после чего в начале семидесятых годов произвели насаждения лесополос строго через пятьсот метров. Тот, кто не видел этого тому трудно понять, что это такое, какая это беда когда неделями света Божьего не видать, а дворы хуторов и сёл по окраинам заносило пылью наравне с заборами, сами хаты под самые окна. Как в суровую снежную зиму снегом заносит овраги, балки, все те неровности местности, и, в конечном счёте, выравнивает ландшафт снегом, так пыльные бури

заровняли чернозёмом то о чём мы выше сказали. В степи не стало оврагов и глубоких балок, как не стало многих и речек. Для земледелия это конечно сыграло положительную роль: на ровной поверхности, конечно, работать удобней. Но как всегда человеку всегда мало: распаивали Скифские курганы, затем прибрежную береговую полосу, после чего чернозём водой снесло в реки. Бугры на несколько метров стали ниже, а реки настолько же метров мельче. Взамен получили: исчезли с лица земли сотни безымянных речек и речушек. Те реки, которые протекают в тех местах, где происходят события, описанные в романе такие как: Ея, Куго-Ея, Кавалерка, Сосыка, Эльбузд, Кавальник и другие заросли камышом и превратились в болота. Кстати, в древних летописях имеются упоминания о реке Ея и её притоке под названием: «Малая Ея». Сегодня это речка называется Куго-Ея. В них говорится о том, как Запорожские казаки многократно ходили в далёкую Персию за добычей и маршрут их пролегал именно по этим рекам: из Ейского лимана – поднимались вверх по реке Ея до слияния её с Малой Еей. Далее маршрут пролегал так: по реке Средний Егорлык плыли в озеро Маныч, а уже по Манычу спускались в самый Каспий. Глубина речек указана в саже-

нях – от трёх до пяти сажень, мес- тами от семи до двенадцати. Берега крутые и обрывистые, а реки полноводные и рыбные. Вслед за реками пришёл черёд исчезать многочисленным хуторам и сёлам.

Там – на самом верху: «Умные» и довольно продвинутые в этих вопросах «Вожди» долго сидели и думали:

– Так! – сказали они, – живёт на хуторе колхозник, напро- тив его двора прямо через дорогу простирается колхозное по-

ле. Колхозное поле: «Наше!». Колхозник: «Чужой», по сути – затаившийся кулак. У этого колхозника есть курица, которая каждодневно перебегает дорогу и бегаёт на «Наше» поле затем чтобы клевать колхозное зерно. Давайте посчитаем, сколь- ко зерна склюёт эта курица за год: «А за десять лет?.. Мама родная! Мать твою так!.. Да это же больше чем я за год хлебушка съедаю! Убрать немедленно и колхозника явного кула- ка-кровопийцу и курицу его!». Куда?.. – спросили: «Хоть к чёр- ту на кулички, вон их отель! Сгоните их в одну кучу, постройте им современные бараки на шесть-двенадцать квартир – Ста- линские уже всё равно развали- ваются, но курицу долой!». – Как объяснить причину переселения? – спросили: «Придумай- те что-нибудь. Объявите все эти хутора и сёла неперспектив- ными, уберите от них всё: магазины, школы, медпункты и клу- бы всякие без кино долго не просидят в своём селе. Наконец убе- рите радио и свет – посидят в темноте, сами переедут туда, куда нам надо...». Вначале согнали в одну кучу под названием:

«Колхоз», теперь эту кучу надо уплотнить как можно больше, а ещё лучше как это делал предшественник: всё это дело колю- чей проволокой огородить. Подведём итог. Приобрели: об- ширные сельхозугодия, которые в меньшем по объёму площа- дей при грамотном отношении и использовании их могли бы перекрыть с лихвой то, что распахали. Цена этому: лишились рек, животного мира этих водоёмов и степей, хуторов и сёл, как и их жителей, в конечном счёте – нехватка продовольствия. Говорят: «Если бы не большевики и Сталин – трактора жи- телям села не видать как своих ушей». Ответ: «Если бы не семнадцатый год и всякие Ленины со Сталиными – трактор в

деревню пришёл бы на несколько десятков лет раньше. Сколько атомов в железе Сталин- ского трактора – столько и в нём капель невинной человеческой пролитой крови и в большин- стве своём крестьянской. Так зачем мне нужен такой трактор?!».

Часть I ПЕРЕЛОМ

ГЛАВА 1

Ничто в человеческой жизни так часто не упоминается, если только не сама жизнь – как дороги. Вероятно, когда у древнего человека не было в руках ещё и каменного топора дороги для него уже существовали, по крайней мере, в его памяти потому как ходить – как и где придётся, он явно не мог, коль они существуют, даже у неразумных животных. Дороги бывают разные и их неисчислимо количество: от козьей тропы в горах – до Млечного звёздного пути. Дороги, дороги... самой жизни человеческой и его судьбы: счастья и страданий, удач и невезения. В жизни дороги зачастую человека заводят в тупик, но и выводят порой на широкий простор знаменитости и славы. Гладкая ровная дорога бывает у человека лишь раз в жизни, а точнее в конце её – это когда его несут уже на кладбище. Дорога есть в лесу: тихая зелёная уютная тропинка, словно в рай человек попадает, но коварство всегда спрятано от глаз людских, ибо та тропинка зачастую приводит в топкое болото, из которого уже не выбраться. Перечислять их можно до бесконечности потому как – из этого состоит сам Мир. Наш рассказ будет тоже о дорогах – дорогах судьбы отдельно взятых людей.

В тёплую осень, когда казалось, что лето вновь вернулось вспять словно назад, по пыльной просёлочной дороге шёл человек... Коренастого телосложения, невысокого роста и с солидными бицепсами на руках возрастом не более тридцати лет. На

плече он нёс две лопаты с короткими черенками обмотанные верёвкой, которая судя по накрученным виткам, была длинная; на втором плече у него висели связанные ремешком рыбацкие сапоги. Шёл он босиком и напевал песню. Из травы на обочине дороги взлетали степные птицы, иногда впереди дорогу перебежала куропатка со своим выводком, они, словно комочки нанизанные подобие бусинок цепочкой шустро бежали за своей мамой. После нескольких дней упорной работы в соседнем селе, он, наконец, получив расчёт, возвращался к себе домой в село Глебовка. В селе, где он был на заработках, за эти дни отлучки он выкопал три колодца и все три удачно, потому как вода в них оказалась пресной и приятной на вкус, что крайне редко бывает в этих местах. Вдруг он оборвал на полуслове песню и далее пошёл задумчивый. Виктор Алексеевич вспомнил вновь о своей жене, которая вот должна родить, а, может быть – подумал он – уже и родила, пока его не было дома. Его тревожило то, что жена для первых родов была не совсем молодая, почти под тридцать, а это, как он знал, не совсем хорошо. Подумав об этом, на ходу перекрестился и, кинув взглядом вправо, ища взглядом тропинку, по которой ему уже не раз приходилось ходить, чтобы укоротить путь, решил, что можно и раньше свернуть с дороги, тем самым укоротив ещё путь к дому. Свернув с просёлочной дороги, далее он пошёл степью, которая в этих местах ещё была первозданной. Жители ближайших населённых пунктов называли это место: «Сладкой балкой». Здесь, на большом пространстве нетронутой плугом степи был оазис дикой природы и животного мира. Сотни тысяч степных сусликов организовали здесь свою империю. Множество зайцев и лисиц бродили среди высокой травы в поисках пропитания, а волчьи логова соседствовали с рассадником змей и пернатых. Сама степь чередовалась с буераками, глубокими балками и оврагами, вымытыми вешними водами и дождями. В таких местах прорастали кустарники: бузины, дикого терновника, дикой конопли и колючих будяков, которые стояли выше, чем сам кустарник, устремив свои длинные иголки

во все стороны. Срезая углы, выбирая путь покороче, Виктор Алексеевич не слишком то присматривался к удобству самого пути, он спешил домой в душе продолжая переживать за жену.

От мыслей о жене ноги сами ускоряли шаг. Пройдя по степи с километр, путь преградил глубокий овраг поросший кустарни-ком. Он посмотрел в обе стороны, напрягая зрение чуть сощу-рив свои близорукие глаза, не увидев ближайшего обхода этого препятствия, решил идти прямо через овраг. Стал не спеша спускаться по косогору в сам овраг. Когда он спустился уже до подошвы его, дальше путь преградили сплошные и колючие кусты терновника, и ему пришлось идти по дну оврага, ища про-ход в зарослях. Неожиданно он услышал рычание и вме-сте с ним повизгивание. Про себя подумал: «Никак бродячая собака кутят здесь привела?..». Осматривая ближайшие кусты и проти-воположный косогор, взгляд наткнулся на волчицу с молодыми волчатами. Волчица, оскалив пасть, показывая свои острые зу-бы, стояла на воз-вышенности между кустами и негромко изда-вала рык. Рядом с ней по бокам стояло трое вол-чат ростом в по-ловину матери, эти лишь повизгивали. Видимо где-то рядом было их логово. На загривке волчицы шерсть стояла торчком, а со рта текла струйкой слюна. Виктор Алексе-евич замер на месте, после чего медленно снял с плеча лопаты и поставил их между ступнями своих ног. Как такового страха он не чувствовал перед волчицей, зная, что летом волки никогда на людей не нападают потому как еды им хватает. Посмотрев пристально на волчицу, громко, но спокойно сказал:

– Ну-ну, не балуй!.. Зачем тебе это? У тебя вон дети. Иди своей дорогой, а я своей.

Словно поняв речь человека волчица, немного опустив го-лову уводя за собой волчат, скрылась за кустами. Виктор Алек-сеевич вскинул на плечо лопаты и пошёл не оглядываясь. Спи-ной он чувствовал, что зверь продолжает смотреть ему вслед. Когда Виктор Алексеевич нашёл проход в кустах и взобрался на склон оврага, он всё-таки обернулся и посмотрел на то место,

где видел волчицу, но её и след простыл. После этого на душе у него стало весело, и далее он пошёл, снова напевая песню.

В сентябре одна тысяча девятьсот двадцать восьмого года, когда уборочная страда под-ходила к своему завершению и ра-довала сельских жителей своим обильным урожаем в кре-стьян-ской семье Виктора Алексеевича и его жены Лукерьи Александ-ровны Стребковых родилась девочка. Роды принимала дере-венская повитуха ещё не старая бабка Мария, когда-то ещё в Первую мировую войну служившая в артиллерийском дивизио-не медицинской сест-рой милосердия. Её, как уже довольно опытную повитуху немного беспокоило, что роженица была уже не молода годами, а роды первые и ребёнок оказался крупным для такого случая. Но, вскоре она поняла, что опасения её на-прасны: Луша – девица двадцати девяти лет справилась с этим стойко, не придав никому хлопот. Виктор Алексеевич во время родов сидел во дворе под плетнём: вчера он только что вернул-ся домой с очередной отлучки на заработки, сидел и курил от волнения одну за другой сигарки табака-самосада. Трясущими-ся руками скручи-вал сигарку, при этом просыпал на землю та-бак; подкуривая, ломал спички одну за другой, наконец, вдыхал на полную грудь едкий и крепкий дым, отчего начинал кашлять и плевать. А когда из хаты послышался звонкий крик младен-ца, он резко вскочил, повернулся на восход солнца, трижды пе-рекрестился и скорым шагом стал ходить вокруг хаты. Этим сво-им маги-ческим действием он словно пытался оградить своё се-мейство и новорождённого, который минуту назад появился на свет Божий от всех бед, невзгод и других напастей, которые пресле-дуют человека на каждом его шагу на протяжении всей его жизни. «Мальчик или девочка? – спрашивал он сам себя, но тут же махнул рукой, отгоняя глупую мысль в сторону, а вслух ска-зал, – какая в том разница, главное, что новый человек поя-вился на свет...». Ещё подумал о том, что ребёнок-то голосистый, наверное, будет петь как отец его, а значит в меня. Терпеть не-известность он далее уже не мог, потому в душе набравшись

храбрости, направился к дверям хаты. Войдя в коридор, приот-крыл немного дверь в хату, затем просунув голову внутрь про-странства, спросил:

– Ну, как она чувствует себя?.. Кто же... мальчик или девочка?

– Закрой дверь, любопытный какой, – сказала бабка Мария, – девочка – хозяйка будет, – добавила повитуха.

Виктор Алексеевич два года тому назад прибыл в эти края на заработки. Ещё из дореволюционных времён на Кубань на время уборочной страды приходили на заработки косари из ближайших областей России. Приходили артелями, в одной та- кой рабочей компании и состоял Виктор Алексеевич. Договари- вались в оплате в основном, чтобы расплатились зерном, ибо в самой России с этим делом всегда было туго. Работать косой, а по случаю и лопатой: рыть всё – что где кому требовалось, Вик- тор Алексеевич мог сутками, здоровьем Бог его не обидел. Единственное, что приносило в его душу недовольство собой и разочарование – это плохое зрение, которое он приобрёл ещё в детстве, переболев какой-то неизвестной в то время детской болезнью. Чувствуя за собой этот изъян, скорее всего по этой причине, он и задержался до тридцати лет в холостяках. Сторо- нясь молодых девчат, не посещая молодёжных посиделок, он находил для себя удовлетворение лишь в самой работе. Невы- сокого роста, с мощной мускулатурой, толстой и короткой шеей, с сильными икрами ног, – он представлял собой, человека из далёкого прошлого Руси подобно тем древним славянам, о ко- торых напи- сано в летописях. Нельзя сказать, что молодые дев- чата на него не заглядывались; об этом ему не раз намекали, иной раз говорили его друзья или просто хорошие знакомые. Но Виктор, будто назло всем, на всё это никогда не обращал вни- мания и своим молчанием уходил от ответов. Размяв ладонью шею, покрутив головою по кругу, будто бык племенной шёл своей дорогой, напевая какую-нибудь песню. В тот день, когда появилась новорождённая, в дом к ним пришла Любовь Филип- повна мать Лукеры. Войдя в хату, задержавшись на пороге,

вначале долго крестилась. После этого прошла в дальний угол хаты, где висели иконы, и горела лампада, там замерла надол- го: шептала молитвы, крестилась, наконец, повернулась в сто- рону колыбели прикреплённой к потолочной балке, подошла к ней, пальцем легонько отодвинула краешек тюли, долго смот- рела на спящего младенца, не поворачиваясь к дочери, сказала:

– Назовите её Надеждой... – добрая дивчина будет!

– Почему именно Надей? – спросила дочь.

– Потому что – Надежда, это главное, что есть в жизни каждо- го человека, он только и жив на этой грешной земле благодаря той самой надежде, которую лелеет в своей душе всю жизнь; отними у него эту надежду, – он тут же всякий смысл жизни потеряет. Вот почему! Пусть будет так, как я сказала, – она вновь повернулась к люльке, стала крестить, приговаривая: «Расти моя милая внучень- ка здоровой и красивой, счастья тебе по жизни и Бог в помощь».

Сидя уже за столом Любовь Филипповна, рассказывая мел- кие новости села, перешла к главной новости, которую узнала накануне.

– Два дня назад я разговаривала со своим свояком Егором, – так он сказал, что нас ждут перемены. А я ему говорю, – куда нам перемен?.. от прошлых бед ещё не очухались. Всего- то шесть годков прошло, как нас раскулачивали, теперь вроде бы и раскулачивать не кого – одна голь перекатная вокруг. Чего ме- нять-то?.. А он и говорит, что на верхах есть решение: создавать коллективные хозяйства. Ну, это что-то подобно тому, как в Фе- дорянке, где наша Полина живёт похоже на их коммуну, кото- рую в начале двадцатых создавали. Тогда ведь тоже – свезли инвентарь и живность до кучи согнали, а когда сожрали всё, что собрали – вско- рости и разбежалась их коммуна. Вот что-то по- вторить и произвести на свет Божий снова хотят. Егор говорит, что всех нас сгонят в кучу, землю отберут, а живность заставят отогнать тоже на одно общее подворье. Всё должно быть по- ровну и для лодыря и для тех, кто лямку тянет – работает свето- вой день, не разгибая спины. Кулаков опять будут выявлять, а

те, кто в середняках числятся, могут – говорит – и в кулаки запи- сать. Нам-то переживать вроде бы нечего у нас давно всё, что можно отобрали, народ жалко: тянул, рвал жилы, теперь отдай всё что нажил. Да и нам не просто будет, хотя бы тот клочок земли, который от Сашки

моего оставили нам и того жаль, жить дальше то чем будем? До этого кормил нас тот клочок и с голоду не пухли. В этом году и урожай добрый. Будто как перед пропастью напоследок земля порадовала. Заберут последнюю землю, чем дальше жить будем... – ума не приложу?! У вас с Полиной мужья есть, а мне что делать? Саше лишь двенадцать лет малец совсем ещё, сколько лет ещё надо пока он вырастет?

Дочь резко встала, подошла к люльке, прервала разговор матери и недовольным голосом сказала:

– Ну, хватит мама! Что вы заладили как за упокой! Тогда же – в двадцать втором не пропали, тогда же ещё хуже было даст Бог, и сейчас не пропадём. Скольких слободских в Сибирь угнали, нас-то Бог помиловал. От тех, кого угнали – ни слуху, ни духу, может, и в живых то из них никого нет. Нам то, ещё жаловаться, могли бы и мы там быть; сама знаешь, где отец в то время был и голову за кого сложил, поди, не за красных. Забыла, как те, которые вернулись из боёв под Мечётинской – что с ними стало? Вначале арестовали, а по пути в Кушёвскую завернули в яр за Ильинкой, да и постреляли всех. Хорошо хоть наш отец там погиб – под Мечёткой, а то бы и ему в том яру лежать. Говоришь, – урожай хороший в этом году – так и что с этого? Всё равно выгребут в счёт продналога государству, дай Бог, если ещё на семена оставят да что бы с голоду не передохли. Хрен редьки не слаще. Хорошо хоть у нас живности почти нет, одна бурёнка у вас, жаль, конечно, будет с ней расставаться, но куда денешься, отцовых лошадей тоже было жаль, а мою рябую Марту, сколько я за ней слёз пролила. Теперь, что у нас брать? Коса да лопата – пусть забирают, гляди, богаче новая их коммуна станет.

– Оно-то так, доченька, да что я делать буду с мальцом Сашей, мал ведь совсем ещё. В своё хозяйство они меня не примут,

я у них там, на заметке – как не благонадёжная, об этом мне ещё года два назад говорил председатель совета, сказал, что ещё подумают, а то, говорит: «Поедешь туда, где Макара телят не пас...». Да и вас с Виктором не возьмут полуслепые вы оба – зачем им такие у них и без вас дармоедов немало наберётся. Вон... – в га-лифе да в английских френчах по слободе ходят, кичась своими заслугами в Красной армии, а работать – не нагнёшь.

– Ничего мама, выживем как-нибудь, Виктор вон у меня – дай Бог каждой женщине такого мужа и трудягу. И вам с Сашей не дадим пропасть. Полина наша – зажиточно, говорят, живёт в своём хуторе Федорянке. Уж сколько времени и нос сюда не кажет – боится, что попросим что-нибудь, ну Бог ей судья она с детства жадной была.

– В отца она – всё от Квачёвых переняла, нет в ней ничего от рода Бережных. Что поделаешь, раз такая уродилась, на всё воля господня.

Немного помолчав, обратила взор на колыбель, сказала:

– Пока ещё тепло вы окрестите в церкви малютку. Назовите Наденькой как я и сказала. Она ведь, твоей Луша последней надеждой была обрести семью.

В коридоре послышался скрип открываемой двери и в хату вошёл Виктор Алексеевич.

– У нас тут гости, – сказал он, – здравствуйте, Любовь Филипповна.

– Здравствуй, зятек, вот пришла поздравить вас с новорожденной и самой взглянуть на малютку.

– Чего там смотреть, ещё сглазите.

– Не переживай, я не глазливая, и не прав ты потому как посмотреть есть на что; человека сразу видно с самого рождения с первого дня его. Славная дивчина будет – сердцем чую, да и приметы есть кое-какие. Судьба, скорее всего, будет у неё не лёгкой, с характером будет, но добрая.

Они ещё долго обсуждали надвигавшиеся перемены, наконец, тёща собралась уходить.

– Ладно, зятек, пойду я, а то Саша один там дома: просился со мной, но я не взяла, после посмотрит свою племянницу, пусть она чуть подрастёт.

Всё это время, пока тёща разговаривала с зятем, Лукерья не вступала в разговоры; она взяла дочь на руки, села за печкой на табуретку и кормила ребёнка грудью. Любовь Филипповна ушла, за ней на улицу вышел и Виктор, тихонько притворив за собой дверь. Сентябрь был по-летнему тёплый, и казалось, что осень с её холодными ветрами и слякотью ещё придёт не скоро, потому как сама погода не давала верить в то, что скоро наступит ненастье. Человеку всегда присуще верить во что-то хорошее, светлое, доброе. Любовь Филипповна придя домой, управилась по хозяйству. Войдя в дом, покормила сына, после чего вышла во двор, взглянула на вечернее небо, которое уже усыпалось звёздами, как ска- терть самобранка и уселась под летней печью, которая стояла во дворе решила немного отдохнуть. Глубоко вздохнув, ещё раз под- няла голову кверху, устремив взгляд на небо вслух, сказала:

– Боже, какой чудный вечер! В такой день и умирать греш- но, ибо господа обидишь, – далее размышляя о себе, подумала:

«Вот я и стала бабушкой во второй раз. Кажется, вчера ещё была молодой, а уже сорок восемь исполнилось. Когда жила... и жила ли вообще? Наверное, когда Сашка жив был тогда и жила. Эти последние восемь лет как в тумане; без него и свет не мил, если бы не сыночек так и жить-то не к чему. Молодость... – словно во сне всё это было».

Вернувшись мысленно к внучке, сделала для себя новое от- крытие: «В нашем роду – в этом-то годе получается третья де- вочка и все в один год. У брата Ивана – Катенька, у сестры Тать- яны – Валя, у дочери моей – Наденька. Вот оно как! А я старая дура и не туда только сей- час дошло, – далее перебирая в памяти ближнюю родню Бережных, сделала ещё одно откры- тие, – до этого ведь были хлопцы и тоже трое: мой Саша в шестнадцатом родился, у брата Ивана в семнадцатом – Ванечка и у сестры Татьяны в двадцать пятом тоже Ваня. Получается вначале трое

ребятишек потом три девочки притом ещё все в один год. А му- жики – так одни Иваны да Александры, будто сговорились...».

В ту минуту, когда Любовь Филипповна думала об этом, она не могла ещё знать, что эта закономерность в её роду сохранит- ся и далее – на годы: в сорок седьмом году вновь появятся на свет три девочки. У её племянника Ивана – Людмила; у племян- ниц Таисии и Ека- терины – Наталья и Светлана. А год пятьдесят четвёртый в очередной раз порадует новой трой- ней: у внучки Надежды – сын Коля, у племянника Ивана – дочь Оля, у Таисии – сын Саша.

Поистине, говорят, что Бог троицу любит. Сохранилась ли и далее сия традиция с уве- ренностью мы сказать не можем, по- тому, как исследований таких никто не предпринимал.

А в то время, невзирая на то, кто где родился и сколько их, по стране набирала темпы компания всеобщей коллективиза- ции, которая для народа была новой удавкой на шее. Посте- пен- но она докатывалась до всех уголков захолустья и глухомани, встречая как внутренний протест населения, так и открытый – вооружённый. Ситуация везде была разной: порой кар- динально противоположной друг другу и иногда в рядом расположенных населённых пунктах. Это, прежде всего, зависело от местной власти – «сельских советов» и партийно-комсомоль- ского актива. Одни местные активисты лезли из кожи вон, лишь бы показать свою преданность самой власти зачастую придумав то, чего нет на самом деле, быстренько отчитываясь наверх о проделанной успешно работе, тем самым столбили себе дорогу на будущее ходить в началь- ничках. Другие вожаки коммунистической идеи наоборот пассивно относились и не торопи- лись: «Пусть всё как- нибудь само устаканится, а мы потом посмотрим, что из этого выйдет, идея идея, а нам жить с народом...».

Как и в начале двадцатых годов на улицах и в советах поя- вились вооружённые люди; сами активисты тоже нацепили на- ганы и маузеры. Из заглазников извлекли те, у кого оружие было припрятано, а вместе с ним достали и подопревшие с залыси-

нами кожанки, а тем, кто не сохранил – столь ценный атрибут власти пришлось срочно смотаться в ближайший город и при- обрести на барахолке. Всем этим – кожанкой и наганом

показы- вая народу: «Кто перед тобой, может, само – ЧЕКА» – словно подчёркивали и напоминали простому люду, что церемониться с ними не будут. Умным людям порой казалось, что время по- шло вспять: на улице вовсе не конец тридцатых, а по-прежнему тот двадцать первый. О событиях на верхнем и среднем Дону, где шли уже полномасштабные бои, спустя время слухи дошли и до Глебовки: «Что ни говорила бы власть, а Дон – то прародина наша! – говорили жители села. – А Родина не может быть не права!..» – шептались тихо по углам, обсуждали лёжа в кровати с женой перед сном, а съездив к куму или к родственникам в ближайшую деревню, пытались там разузнать что-нибудь. Ни- кто толком конкретно ничего сказать не мог, ответ искали все – что делать? Ясно было одно – народу это не нужно и он крайне недоволен. С Дона вести приходили скудные и порой противоре- чивые, иному то, что рассказывали, очень хотелось всем серд- цем верить, другие слухи сразу в корне отвергались. Власть на всех углах трезвонила одну и ту же песню: «Кулачье, недобитые белогвардейцы, контрреволюционеры и появился новый тер- мин – враги народа». Оказывается, всю жизнь жил народ, а того и не знал, что сам себе он враг да ещё и подлый, который так и норовит по-тихому сам себя жизни лишит или голодом замо- рить. В одночасье казаки Дона превратились в белобандитов, а тот, кто их голодом морил и в Сибирь ссылал, забирая имуще- во, а по сути – грабил и в итоге в затылок стрелял где-нибудь на краю оврага – вдруг праведниками стали и героями. За всеми этими переживаниями не заметили, как и зима пришла.

В ту ночь снег валил так, что в пяти шагах ничего не разгля- деть. Любовь Филипповна пройдя по двору, подперев двери в сараях, чтобы снега не намело, направилась было к двери дома, когда услышала похрапывание лошади. Что-что, но лошадь она услышит за версту, выросла с ними. Когда, у её забора появи-

лось сразу четыре тёмных силуэта всадников, у хозяйки дома даже сердце ёкнуло. Сразу почувствовала, что не к добру это, да ещё и в ночь. За пеленой сплошного снега было не разглядеть подъехавших всадников ко двору. А когда незнакомцы стали слезать с коней и послышалось бряцанье оружия, которое ни с чем не спутаешь, Любовь Филипповна от присутствия нахлы- нувшего волнения взялась за ручку двери чтобы не упасть.

Беспокоило, прежде всего, то, что чужаки не подавали голо- са; всё происходило при гробовом молчании даже тогда, когда один из них отделившись от остальных, открыл калитку и напра- вился прямо к двери дома, где в этот момент замерла хозяйка, с его стороны не прозвучало ни одного слова – шёл он молча. Это молчание прибывших вооружённых людей пугало Любовь Фи- липповну. Незнамец подошёл и в трёх шагах от неё остано- вился; какое-то время пристально вглядывался в стоящую у двери женщину, потом тихо спросил:

– Люба, это Ты?

– Кто вы? я не могу признать вас!

– Я Тимофей, друг Сашкин.

– Тима! Бог ты мой, как ты здесь очутился?!

– Потом расскажу. К тебе можно хотя бы на часок?.. мы про- ездом у нас с товарищем беда помощь нужна.

– Конечно, о чём разговор зови своих товарищей и коней во двор заводите, можно сразу в конюшню и ячмень для них най- дётся.

Тимофей вернулся к своим товарищам, и они по очереди стали заводить лошадей во двор. Любовь Филипповна побежала впереди распахнула двери старой конюшни, зашла в неё вместе со всеми и стала в темноте показывать, куда привязывать коней. После того, как лошади были привязаны, она сказала:

– Идёмте в хату, вначале я вас покормлю, потом и лошадям вашим задам корму.

– Спасибо, Люба, но долго задерживаться нам у вас нельзя затемно надо покинуть село.

– Ой, господи, Тима, да сейчас только вечер до утра ещё Бог знает сколько ещё времени, успеете вы уехать.

– Ладно, пошли в хату, там всё расскажу... с товарищем нашим дело плохо, ранен он...

Уже на улице, Любовь Филипповна обратила внимание, что одного мужчину поддерживают под руку идёт он, согнувшись, и держится рукой за бок. Как только вошли в дом тут же принялись за молодого раненого казака по имени Василий: раздели и уложили в постель, после чего хозяйка дома стала осматривать его рану в левом предплечье, которая к счастью была сквозная. Пуля видимо прошла совсем рядом с сердцем, на что Любовь Филипповна после осмотра сказала: «Родился ты Вася в рубашке, ещё чуть ниже вошла бы пуля и наша помощь уже тебе не потребовалась». На что Василий, преодолевая боль, улыбнулся через силу и сказал, назвав её тётей:

– У меня, тётя Люба, всю жизнь так – можно сказать с детства. Всё время смерть со мной в прятки играет. Ещё в детстве зима как-то меня из полыньи в Дону вытаскивали, потом еле уходили. Однажды – вместе с лошадей так гробанулся, что лошадь приказала долго жить, а я месяц после этого в постели очухивался. Да всего и не припомнишь. Месяц тому назад – под Миллерово недалеко от Кошар, вон хлопцы не дадут сбрехать... – говорю, – плохое здесь место уходить надо. Чем оно тебе не нравится? – спрашивают. Сейчас по кустам долбить станут, нутром чую, – говорю им. Еле уговорил ребят чтобы переместиться в другое место, только позицию сменили, отползли чуток, как шарахнет, оглядываемся, а в то место где минуту назад были, снаряд угодил и от кустов под какими прятались – одни ошмётки.

– Ладно, лежи и молчи, потом расскажешь; сейчас тебе нельзя много говорить, вон с двух дырок кровь сочится, успокойся и меньше ворочайся, тебе всё равно придётся остаться у нас на лошадей тебе никак нельзя, – сказала Любовь Филипповна.

Хозяйка усадила неожиданных гостей за стол, раненому Василию еду поставила на табуретку возле кровати сама села в

сторонке и задумчиво наблюдала, как мужчины едят с жадностью, видимо подумала она, забыли, когда последний раз и за столом сидели. Казаки выглядели сурово: с отросшими чёрными бородами, с хмуростью на лицах и хронической усталостью, как она определила по их движениям. Мысли плавно перетекали в то далёкое прошлое, когда вот так же, чаще глубокой ночью приезжал наскоком её муж Сашка с товарищами: обвешанные оружием иные забинтованные и пропахшие дымом и конским потом, вначале замертво падали на пол и беспробудно спали, поев и взяв припасов, намётом уходили в неизвестность. Нескольким раз в гостях у них бывал и Тимофей, который сейчас сидит за столом, медленно ел и периодически поглядывал на жену своего друга – побратима. В двадцатом году зимой такая короткая побывка оказалась последней. Любовь Филипповна, как сейчас помнила ту ночь, когда последний раз видела своего мужа, и, расставаясь, не могла тогда предположить, что видит его в последний раз в этой жизни. Она вспоминала ту зимнюю ночь в прошлом, сравнивала сегодняшней вечер и разницу находила, что мужа не было среди сидящих казаков за столом. Само событие сегодняшнего вечера и обстановка были сильно похожи на ту далёкую в прошлом ночь. Но в то же время, порой ей казалось, что сейчас откроется дверь войдёт её Сашка, скажет, что лошадям корм задал, пройдёт к столу и усядется рядом со своим другом. Когда Тимофей обратился к ней, она даже вздрогнула, возвращаясь в реальность сегодняшнего вечера.

– Люба, у вас то, тут как? Колхозы создают?

– Пока больше разговоров, но решения уже есть, на село у нас два колхоза будет. Ты лучше расскажи, что там у вас на Дону происходит, а то у нас тут говорят всякое, а правды никто не знает. Говорят, что воюете как в гражданскую.

– Ну, до гражданской войны может быть и далековато будет, но пока что, получается так, что воюем. Правда, против шрапнели и пулемётов много не навоеешь, но в лапе мы их ломаем как лозу.

– Куда же сейчас держите путь, если не секрет?

– На Терек, Люба, отправили нас, Терских казаков поднять, ваши Кубанские все под красных легли, а если есть такие, которые бы пошли, то пока их соберёшь – тебя быстрее по частям разберут. Когда согнут в дугу всех, ещё многие поймут да уже поздно будет, ещё вспомнишь мои слова.

– Тима, а есть ли смысл против власти идти? Не сдюжите ведь! Считай против всей России. Погубите себя!

– Есть... – нет ли? За горло взяли! Дыхнуть уже нельзя! Да чтобы я своего коня им отдал! А они на нём навоз возить будут?! Да я вначале коня пристрелю, а после себя кончу! Ну ладно согласен, – землю забирайте, инвентарь там какой, скотину согласен отдать! Оставьте хотя бы коня! Я же с ним как с родной женой не могу расстаться! Какой же я буду казак без коня?!

– Василия вашего ранили то где?

– Да здесь, недалече под Кагальницкой на разъезд наскочили, кругом рыщут, всё ловят. Этих то и было всего двое: один из них успел из маузера пальнуть. Чтоб ему на том свете черти пальнули!

– Это в тех краях, где и Сашка мой голову сложил под Мечётенской, как я понимаю? Тима, ты же тогда тоже там был, видел как он погиб?

– Нет, Люба, врать не буду, чего не видел того не видел. Там тогда такое творилось, что по сторонам смотреть некогда было, зазеваешься, враз срубят. Считай, трое суток подряд лава на лаву ходила. Как вспомню до сих пор не верится, что живым из того ада выбрался. Сколько народу с обеих сторон полегло, одному Богу известно. И муж твой там же среди тех тысяч, которые по степи разбросаны, не похороненными остались лежать, жалко их бедолаг, как красных, так и белых в особенности казаков. Стравили, сволочи, народ на смертоубийство! Без последнего для чело- века пристанища остались... – даже могилу не заслужили!

Любовь Филипповна видя, что совсем расстроила Тимофея, решила резко сменить неприятную тему разговора:

– Вот что. У меня Василия оставлять нельзя и с вами он не выживет, есть одно место, где мы его спрячем, пока он чуть на ноги не встанет, – сказала Любовь Филипповна, – потому давай-те собираться, покуда валит снег, берегом реки пройдем на хутор, что бы, не дай Бог кто не увидел да не донёс.

Уже за полночь вывели коней во двор, одной рукой придер- живая ноздри им, чтобы не храпели, спустились огородом к реке и берегом пошли в сторону хутора Цун-Цун. Расстояние до хутора было всего-то два километра, потому ведя коней на поводу, дошли быстро и без приключений. Странное, в то же время, какое-то китайское название хутора, которое уже много десятилетий удивляло жителей окружных деревень и хуторов, создавало вокруг этого названия массу легенд, а порой и сказок. На этот счёт мнений было много: одни говорили, что когда-то хутор основали китайцы непонятно откуда взявшиеся, а потом в один прекрасный день также неожиданно куда-то исчезнувшие. Другие говорили о более поздних временах, когда ещё в этих степях и в по-мине не было ни донских казаков, ни переселенцев из Украины,

– о временах ещё Шёлкового пути. Здесь, на месте хутора была толи перевалочная база, толи место, где караваны делали остановки для отдыха. Существовало ещё несколько версий, касающихся непосредственно каких-то в прошлом личностей. Однозначно, можно сказать, что сама истина, скорее всего, покрыта мраком времени. В том, что Шёлковый путь пролегал в районе Маныча известно доподлинно из древних летописей, но кроме странного названия хутора на мысль наводит не менее странное название и реки – «Эльбузд», что говорит о явном не славянском происхождении этого названия. Сам хутор был, в каких-то определённых случаях не совсем обычный, с ним было связано немало всяких происшествий и событий, которые были не совсем понятными для человека. В своём повествовании нам ещё не раз придётся встретиться с этим необычным местом.

Снегопад постепенно стихал, снежинки теперь сыпались мелкие, когда уже подходили к хутору, на небе коротко проблеснула

луна и тут же скрылась за тучей, впереди из белой пелены возникла тёмная полоса самого хутора с его строениями, зарослями деревьев и взметнувшихся ввысь пирамидальных тополей. В дали за хутором у изгиба реки темнело невдалеке пятно заброшенной панской усадьбы, которая за своё существование обрела немало слухов и поверий, как и сам хутор. Подворье Щербанских представляло действительно плачевный вид. Даже ночью было видно всё то, запустение, заброшенность, ветхость общую серость когда-то процветающего хозяйства. Многочисленные строения: сеновала, сараев, амбаров, которые заросли деревьями и молодыми их побегами. В крышах строений зияли дыры, которые на фоне остатков кровли покрытой снегом выглядели пугающе, будто глазницы чудовищ. Правда, у самого жилого дома наблюдался порядок и ухоженность, виделась хозяйская рука. Остановившись у изгороди, Любовь Филипповна сказала:

– Ждите здесь, а то ненароком перепугаем хозяйку, потом горя не оберёшься.

Открыла калитку и пошла к крыльцу дома. Во дворе лаяли собаки, которых Любовь Филипповна, притопнув на них ногой и накричав немного, успокоила. Пробыв в доме всего несколько минут тут же вернулась и, подойдя к мужчинам, сказала:

– Снимайте Василия с лошади и ведите в дом. Может, и сами до утра перебудите?

– Нет, Люба, – сказал Тимофей, – доведёшь парня до хаты сама, а нам ехать надо... – ночью даже лучше. Спасибо тебе за всё. Возможно, уже никогда и не увидимся более, так что прощай сестрица, не поминай лихом донского казака Тимоху! Дай я на прощанье тебя поцелую, Сашка на том свете, думаю, не приревнует. А Васюку когда выходите так пусть домой возвращаётся, если к тому времени будет куда возвращаться.

Он подошёл к Любове Филипповне, обнял её и троекратно, как это принято в православии поцеловав, тут же подошёл к своей лошади вскочил в седло и трое всадников растаяли в белой мари ночи. Она хотела ещё что-то сказать на прощанье, но так и не успела казаков уже и след простыл. Какое-то время стояла, печально смотрела в пустой след, чувствуя в душе, что вот опять из жизни ушло то мизерно дорогое, связанное с прошлым и скорее всего навсегда, в душе чувствовалась невозместимая горькая утрата. Подошла к Василию, взяла из его рук поводок уздечки и повела коня за собой, а его под руку. С крыльца уже спустилась кума Галина забрала раненого и повела в дом. На пороге тот обернулся и сказал:

– Тётя Люба, оружие в дом внесите, пожалуйста.

– Не переживай и коня твоего хорошо спрячем и с оружием твоим ничего не случится, иди уже в хату.

Любовь Филипповна сняла с седла висевшее там оружие и занесла в коридор, потом повела коня в дальний угол большого двора в заброшенный длинный сарай, там расседлала, привязала его и, уходя, сказала коню: «Потерпи немного, скоро приду напою и накормлю». Входя в дом, по пути прихватила оружие, внесла в комнату и сложила на стол:

– Надо же, сколько вы тяжестей тягаете за собой, – сказала она и стала, как на витрине магазина на столе раскладывать оружие. В один ряд на столе она выложила: шашку, карабин, револьвер, маузер, две гранаты, сумку с патронами и немецкий штык-нож.

– А два нагана тебе зачем, Василий? – спросила она.

– Второй тот большой – маузер не мой, – ответил он, – по наследству достался, из него меня и подстрелили.

– Оружие при себе оставишь или как? – спросила Любовь Филипповна.

– Как скажете, как лучше, так и делайте, – ответил Василий.

– Я думаю, что безопасней будет, если мы его всё-таки спрячем подальше. Тебя мы как-нибудь придумаем, как объяснить в случай чего и коня объяснить можно, а вот с этим, –

указала пальцем на стол, – с этим не объяснишь, так что я его пока забирю отсель, заодно и коня надо напоить и корму задать. Галя, по-

шли, покажешь, где у тебя что, а ты Василий потихоньку пока раз-девайся, придём и тебя определим от глаз любопытных подальше. Да... сразу давайте уговоримся на всякий случай ты, Галя говори, что хворый он прибился к тебе, почти без памяти во дворе своём подобрала не бросать же человека на погибель. Уразумела?

– Чего тут разуметь и так всё понятно, я же ещё не совсем дурочка, – сказала Галина немного с обидой в голосе.

На дворе уже начинался рассвет, когда забрав со стола оружие, женщины вышли из дома и направились в дальний конец усадьбы.

– Нести то куда эту амуницию? – спросила Галина.

– Вон в тот дальний сарай туда я и лошадь отвела, там пока где-нибудь и спрячем. Слушай, Галка, чего ты вроде как недовольная? Если боишься за себя, я могу, и другое место для парня подыскать. Не пропадать же ему. Только скажи прямо не криво душой, не бойся, я не обижусь, как говорят, – кто на что горазд.

– Не мели кума чепухи, я своё отбоялась годов десять ещё назад, когда своих всех лишилась, а теперь-то – чего мне бояться? Просто знаешь, – тоска на душе какая-то, а от чего не могу понять. Может этот паренёк... – Вася напомнил что-то, чего я и сама не могу ни понять, ни припомнить – тоска на сердце хоть убей!

– У меня кума у самой на душе кошки скребут, как приехали казаки так места себе не нахожу, кажется, что и Сашка мой сейчас явится; поверь словно рядом возле меня стоит иной раз аж оборачиваюсь.

– Это Люба, у нас от одиночества, а ну, сколько лет и всё сами; теперь уже до смерти самим бабский век коротать. Начинаю вспоминать так вроде, как и не жила я эти годы, сижу в этих трущобах, иной раз хочется взять верёвку да на сук.

К тому времени на улице уже совсем рассвело; женщины зашли в сарай аккуратно на пол сложили оружие возле лошади и вздохнули тяжело, словно выполнили непосильную работу.

– Пошли, принесём в вёдрах воды и корму, оружие я потом сама спрячу, – сказала Любовь Филипповна. Управившись с ло-

шадью, Галину отослав определять парня, Любовь Филипповна оставшись одна, принялась искать место, куда спрятать то – как подумала она – от чего лучше всего было бы избавиться совсем. Долго думала стоя посреди сарая, оглядывала углы и стены, наконец, остановила свой взгляд на старой полусгнившей кормушке вдоль стены сарая, где сейчас привязали лошадь. Подошла, нагнулась и стала под кормушкой разгребать старый сухой навоз. Проверив, в чём хотела убедиться, встала и пошла из сарая. Через время вернулась с лопатой в руках, вырыла под кормушкой углубление, сложила туда всё оружие, засыпала сухим навозом и разровняла место. Отошла в одну сторону, затем в другую, с разных углов посмотрела на то место, и, решив, что лучше не придумаешь, удалилась из сарая. Войдя в дом, куме сделала напутствие, как лечить раненого, какие травы заваривать, после чего направилась домой. Последующие дни она приходила на хутор, приносила еду, у дочери брала сухие лечебные травы, подолгу разговаривала с Василием, больше спрашивая о Донских последних событиях.

Любовь Филипповна была старшей дочерью в семье Филиппа Бережного. После неё в семье рождались ещё дети, но они умирали в младенчестве. И только, когда ей исполнилось четырнадцать лет, выжил мальчик, которого назвали Ваней. Его она, считай и вырастила: нянчила, кормила и воспитывала, ибо родители постоянно были в работе. А через два года родилась ещё девочка, Таней назвали, которая также стала подопечной для старшей сестры. С раннего детства привыкнув к заботам и уходу за детьми, Люба выросла по жизни расторопной на любую работу: боевой и рассудительной и главное доброй по натуре человеком. В то

время до всяких революций ещё было далеко. Крестьянская жизнь текла мерно и спокойно, в труде и по-те, но это лишь улучшало благосостояние каждой семьи, и на тяготы работы никто никогда не жаловался. Лодыри и пьяницы всегда были и будут в любом обществе, но в Глебовке, если та-кие и имелись, то крайне редко – в минимальном количестве и

к ним народ относился больше снисходительно, чем враждебно. В своей общей массе жители деревни как умели хорошо трудиться, так и умели весело погулять в праздничные дни. Ещё во второй половине девятнадцатого века из верховьев рек Хопёр и Медведицы в эти края прибыло три семьи Бережных, которые состояли между собой близкими родственниками. В те далёкие времена земли по рекам Хопёр и Медведица входили в земли Великого Войска Донского. С годами родственные ветви разойдутся, фамилия возрастет по численности в арифметической прогрессии, многие станут считать друг друга за однофамильцев, но немаловажная деталь наследников тех в прошлом переселенцев будет присутствовать в каждом из них. Это – сила воли и доблести у основной массы, которые относились к этому роду. Отсутствие подлости и злости, трудолюбие и семейные традиции. Многие Бережные станут доблестными защитниками отечества, талантливыми руководящими работниками, просто хорошими уважаемыми людьми. Среди них почти не было горьких пьяниц, лодырей и преступников. И как обычно, соблюдая давнюю традицию в любые времена, семьи жили с достатком, иные зажиточно честным трудом всё это зарабатывая. Вот с этого рода и была Любовь Филипповна главная героиня первой части нашего романа.

ГЛАВА 2

Всеобщая коллективизация в стране продолжала набирать свои обороты. Если в самом начале компании допускалось лишь добровольное вступление в колхоз и не препятствовало иметь свой земельный надел, а также вести единоличное хозяйство, то спустя время, убедившись, что «Маловато – то будет!» – власть тут же меняла правила игры. Обо всём этом красиво, складно и доходчиво расписано в сотнях тысяч книг времён советов. Там если почитать, так можно подумать, что с приходом этой самой

коллективизации крестьяне вмиг очутились в райской жизни. И если бы они не вступили в колхозы, то их ожидала бы голодная смерть, но к великому сожалению получилось как раз обратное – вступив в колхозы – крестьяне в тридцать втором и тридцать третьем году стали вымирать от голода. Вначале – стоило бы посчитать, сколько миллионов эти «гении» народа угробили. Если бы их методом, к примеру, строились и создавались в своё время Соединённые Штаты Америки то, скорее всего, там до сих пор ездили бы на быках и лошадях, а поля обрабатывали бы мотыгой. На самом деле в жизни происходило совсем не так, как описано в книгах времён коммунистического правления. Уже на третьем году коллективизации – «Гении», – которые и в глаза не видели, что такое работать на земле, усмотрев и поняв в своём зачинании, что из этого может вовсе ничего не выйти, вначале отправили по всей стране агитпоезда. Когда и это новшество не сработало: власть на местах приступила к жёстким мерам. Кое-что вспомнили из прошлых начала двадцатых годов, придумали новые термины и слова, которые звучали обличающее и жёстко: «Кулаки и кровопийцы народа, враги советской власти...» – а далее пошли этапы, расстрелы, Сибирь, голод, массовое вымирание крестьян. Один такой агитпоезд под названием «Октябрьская революция» прибыл и на Кубань. Посещение станицы Кущёвской входило в планы агитпоезда. На этом маршруте делегацию возглавлял один из вождей Михаил Калинин, один из активных участников массовых репрессий. В коммунистической пропаганде его назовут: «Всесоюзный староста» – он такой же староста, как Малюта Скуратов детский доктор «Айболит» – у Ивана Грозного. Политика этого человека была проста: «Десять человек оправдаем, пожалеем, простим и донесём это до каждого о нашей щедрости и доброте; сотни тысяч сгноим в Сибири или расстреляем, и об этом знать никто не будет!». Народ оповестили заранее, когда придёт агитпоезд – сказали: «Чем больше соберётся народу, тем лучше». Округа в тридцатом упразднили, центр подчинённости переместился из Ростова-на-Дону в город Краснодар: теперь ноздри надо было задрать повыше и нюхать – откуда, чем пахнет и саму голову держать требовалось повернутой не на север, а на юг. Возможно, сам народ и не пошёл – бы встречать эту

«знаменитость» прибывшую из самой столицы, но каждому хотелось хотя бы издали посмотреть на живого «вождя». В то время, кроме газет ещё не было ни телевидения и даже о самом кино многие не имели даже представления. А тут сразу живой вождь пролетариата! На углу, – дней современных улицы Комсомольской и переулка Куцева, – стоял когда-то одноэтажный шалеванный домик: с резным крыльчком, с лоджией огороженной резными балясинами по всему фасаду этого маленького здания. Опрятный такой. На этом домике впоследствии вывесят мемориальную доску по случаю столь знаменательного события, которая будет висеть там несколько десятилетий подряд. Чей он был в прошлом этот домик нам неизвестно, скорее всего, принадлежал какому-то заклятому врагу трудового народа, от которого вовремя избавились. Вот на этом самом резном крыльчке и решила местная власть, что лучшего места не найти, здесь и будет держать речь Калинин. Напротив этого домика простиралась площадь, а проще говоря – пустырь, так что народу было, где разместиться. Загодя, импровизированную сцену обтянули красным кумачом, а чтобы кто не додумался материю стянуть себе на рубаху, выставили круглосуточный караул; личность то явится неизвестно когда?..

графика поезда «Октябрь-ская революция» никто не знал, это видимо, являлось большой тайной, а вдруг недобитые белобандиты под откос состав пустят! На вокзале дежурили круглосуточно, главное – не прозевать и вовремя народ собрать. Не прозевали. В тот день народу действительно собралось порядком, съехались со всего района и с ближайшей округи, веселья на лицах что-то не наблюдалось; люди стояли хмурые, тихо между собой переговаривались, а всё это мероприятие очень напоминало похороны усопшего. Делегацию в пути сопровождал духовой оркестр и когда он заиграл:

«Вихри враждебные веют над нами...» и звуки гимна разнеслись над камышовыми крышами казачьих куреней, чего станица не помнила за всю свою жизнь, народ даже оживился. Первым выступал сам Михаил Калинин. Призывал к быстрейшему сплочению народа, к всеобщей и полной коллективизации, обещал, что свершив такое большое дело, народ будет жить в изобилии, равноправии и забудет о бедности. Казаки затаив дыхание, слушали, но в душе ничему не веря; мало понимая из услышанного из всего того, что «вождь» молол, а больше разглядывали этого плюгавенького с бородкой клинышком как у козла, и думали: «Надо же, такой шибздык и целой страной ворочает в компании себе подобных! Нечета эти «вожди» нашим в прошлом атаманам, один Богдан Хмельницкий чего стоил!.. да и кошевого атамана Головатого – хоть на пьедестал ставь! Всех-то и не перечислить...». После речи Калинина на трибуне стали выступать вначале те, кто прибыл с агитпоездом, затем представители местной власти. В отличие от Калинина, который выступал, не снимая своей папахи, вновь выступающие сдёргивали головной убор с головы и, зажав его в протянутой руке, как это когда-то делал великий и вечно живой Ильич, бросали в толпу пламенные речи: призывая, обещая, клялись своей жизнью, что выполнят постановления партии. Ожидали, что будут хотя бы жиденькие аплодисменты, но кроме тех, что стояли у трибуны и усердно хлопали, остальной народ безмолвствовал. Наконец прозвучал призыв задавать вопросы. Конкретно по существу темы вопросов никто не задавал, а лишь были – как сказал один из стоящих на трибуне – провокационные выкрики. «Женщины общие будут? Дети тоже общие будут? Как потом определять, где, чей?» – При этом толпа смеялась, гудела как улей, наконец, поняв, что нового уже ничего не скажут стали расходиться. Как-то быстро все разбрелись куда-то и теперь уже вытоптанная людскими ногами пустырь, оказался на самом деле пустырьём, лишь возле трибуны стояла кучка руководящего состава с активистами, чуть в стороне музыканты духового оркестра и воени-

зированной охрана. Калинин, с лицом недовольным и понимая, что митинг не удался, спустился с крыльца дома. Когда он проходил мимо актива, направляясь к личной машине, которую в поезде возили за собой, вполоборота повернувшись к стоявшим парторботникам, сказал:

– Работайте! Могли бы и лучше подготовиться! О результатах доложите, срок вам месяц, от силы – два. По головке не погладим! Поехали! – обращаясь к водителю, сказал он, впрыгивая в свой открытый без верха лимузин. Машина взревела, обдав стоящих бензиновым угаром, поехала по колдобинам, переваливаясь с бока на бок; за ней плотным полукольцом с трёх сторон устремились вооружённые конники личной охраны. Оставшееся на месте руководство стояло, будто в рот воды набрало: каждый в эту минуту в уме прикидывал, чем это всё может грозить лично ему, не лучше ли пока не поздно свалить куда-нибудь подальше в тень, пока эта катавасия с колхозами закончится. Всё-таки не шутки – это не до тёщи на блины сходить!.. из самой Москвы уехало начальство, которое сильно обиделось на нас! Как тут не запереживаешь?! Рядом стоявший из местных простой мужик Пашка – Дрын, который вечно крутился возле начальства – есть такая категория личностей – стараясь хоть как-то примазаться к власти и порисоваться возле начальства на виду у всех, ни к селу – ни к городу не подумав, ляпнул:

– Оно-то и понятно – что чужое – дармовое, что общее – один хрен!

– Ты говори да не заговаривайся! Думай, что болтать, а то язык твой укоротим! – сказал рядом стоящий работник райкома партии. Даже здесь среди стоявших у трибуны руководителей района большинство в душе сознавало, ибо они были не настолько глупые, живя на земле крестьянской, что их тянут в какое-то болото утопии. Многие понимали, что последствия ещё неизвестно чем закончатся в будущем. Высказать прямо, то о чём ты думаешь, это равносильно подписать себе и всей своей семье смертный приговор. Значит, лучше промолчать. Секретарь рай-

кома поднял голову, окинул недобрый взглядом стоявших своих подчинённых и недовольным голосом громко объявил:

– Сейчас все по домам завтра в девять всем быть на активе без опозданий и оговорок. Будем решать, что делать далее. Тут же обернулся и пошёл прочь, словно этим подчёркивая, что он подчинённых далее видеть не желает. Если – ты читатель – где-либо встретишь другое описание этого – «эпохального» события, которое будет противоречить прочитанному выше. – Не верь! – Врут! Поставь себя на место тех казаков. У тебя забрали всё, что наживали все предыдущие годы твои деды, родители и ты сам. Ко всему этому всех согнали в какую-то непонятную артель называемую – «колхозом», а ты радуешься и аплодируешь этому. Представил?.. Нельзя сказать, что к тридцатому году в районе не было колхозов, они были уже в каждом населённом пункте, но в основном больше на бумаге. Порой доходило до смешных случаев. За живностью: коровами, лошадьми, которых согнали на общее подворье, ухаживал каждый хозяин за своими животными. Иногда, периодами уводили ту же свою корову домой – как бы на побывку. Дома корову встречали с почестями уже за забором: выскочившая в калитку детвора обнимала и расцеловывала свою бурёнку наконец-то заявившуюся домой; для семьи прибытие во двор бурёнки являлось праздником, правда через пару – тройку дней её вновь уводили на колхозный двор, теперь детвора уже плакала. В душе народ не верил в эту затею, считая её глупой, абсурдной и недолговечной. Большинство селян надеялись на то, что власть переберется, со временем все успокоятся: они разберут своих бурёнок и лошадок по домам и жизнь далее пойдёт прежняя. Были и такие новоявленные колхозники, которые разругавшись между собой – на прощанье, сказав коллективу – что плевали они на ваши эти колхозы, забирали свою скотину и угоняли домой. Кроме этих неурядиц, события на Дону породили новую напасть, – на должность председателя колхоза желающих поубавилось, в особенности, когда в одном из колхозов убили председателя,

какого-то Кулешова, но вначале сказали – Кущёва, но как вскоре выяснилось – такого в природе нет – весть эта быстро облетела все станицы и хутора. Руководство района понимало, что далее пускать на самотёк дело нельзя, потому уже через день после убийства делегации в особо проблематичные населённые пункты были отправлены бригады уполномоченных представителей власти, чтобы в корне изменить сложившееся положение. Одной из заноз для района, которая стояла на одном из первых мест – была Глебовка. По правому высокому берегу реки Куго-Ея по накатанной грунтовой дороге в восточном направлении неслась линейка запряженная тройкой породистых жеребцов. Изогнув коромыслом свои шеи, издавая храп, жуя железные удила, так, что пена ключьями отлетала по сторонам, и, несмотря на то, что на линейке сидело шестеро мужчин, они тащили линейку, словно она для них была игрушечной. Впереди на облучке сидел ездовой, управляя лошадьми, рядом с ним начальник уголовного розыска Комов Михаил. Сразу за ними на удобных сидениях покрытых ковром, развалившись, будто на диване сидели двое – начальник милиции Денисов и второй заместитель секретаря райкома Панченко Василий Степанович. На своей задней части линейки сидело два милиционера: один справа, другой слева, на коленях которых лежали карабины, а правая рука на цевье возле курка. Эти двое зорко всматривались в проплывающую мимо местность: один смотрел в степь, другой в прибрежные камыши. Когда преодолевали очередную балку поросшую кустами терновника и дикой конопли, милиционеры брали карабины наизго-

товку к стрельбе. Начальник милиции Денисов был мрачен: чернее дождевой тучи. Накануне он полу-чил нагоняй от секретаря райкома, который пообещал ему в ближайшее время вынести на повестку заседания райкома его персональное дело за плохо налаженную работу его отдела; ибо – как он сказал – в других районах председателей колхозов почему-то не убивают. Предчувствие подсказывало ему, что рано или поздно начнут искать крайнего и добром это для него не

закончится. «А в чём, собственно, он виноват?.. – Задавал он себе вопрос. – Не представит же он каждому председателю колхоза охрану, где взять столько людей?». Предчувствие не обмануло Денисова. Спустя два месяца, когда он не представит ни одного контрика в отдел ОГПУ, его увезут на прибывшей из Ростова машине и дальнейшая его судьба останется для жителей района неизвестной. На его место пришлют Ануфрия Тебейкина: чело-века для большинства окружения непонятного и попросту опас-ного, который рьяно примется за дело, карая налево – направо, не вдаваясь сильно в подробности. За столь прилежную службу уже через пяток лет уйдёт на повышение, а начальником мили-ции станет сидящий сейчас рядом с ездо-вым Миша Комов. Но это случится позже, а сейчас: линейка, выскочив из балки, не-слась с колёсным шумом ободов и спиц по направлению к хуто-ру Байдачный. Сидели, молча, с суро-выми лицами ожидая ка-кой-нибудь напасти из зарослей любого куста потому как время было беспокойное, а тут еще пришлось ехать в такую даль, да еще и по соседству с мятежным Доном. Затянувшееся молчание нарушил Панченко, обращаясь к Денисову, спросил:

– Кто там у тебя уполномоченный участковый?..

– Гнилокишко Семён: в прошлом боец – Первой конной – самим Будённым благодарно-стью был отмечен.

– Ну и на что нам его благодарность, если он у себя дома не может контру к ногтю при-жать?! Судя по тому, о чём меня ин-формировали так там, почитай и Советской власти-то нет, о ка-ких колхозах можно говорить?! Вначале надо вычистить – вся-кую сволочь, которая попряталась по хуторам, потом и дело ве-селей пойдёт.

– Так чего участковый там сам сможет сделать?..

– Почему сам?.. он – что не мог за эти два года подобрать себе актив?.. Оружие мы бы дали и паёк выдели бы.

– Не подумали, Василий Степанович, район то большой, а Глебовка она и правда – что Сахалин недаром там часть села так называют.

– До всего то – у тебя Денисов руки не доходят!.. смотри, как бы тебе их совсем не укоротили, а заодно и нам вместе с тобой; в одной Денисов упряжке ходим – не забывай это! И фами-лия у твоего участкового какая-то отталкивающая, хоть он и будёно-вец. В такие места – скажу тебе – да ещё в отдалённые надо подбирать более решительных людей с пролетарской заква-ской, а не каких-то там – с гнилыми кишками.

– Василий Степанович, да где же я возьму таких бойцов?! С Питера с Путиловского завода выпишу?.. так по вашему мнению?

– Не уж-то у тебя в отделе не нашлось человека более под-ходящего, на которого можно положить эту отдалённую глу-хомань?

– Да кто же туда поедет... – кто семью бросит? Начнёшь за-ставлять – совсем уйдёт из милиции.

– Ну не говори, не говори... – это как к человеку подойти. В том вся и суть. У тебя же они все если не члены партии то ком-сомольцы вот и пусть попробует уйти, а там посмотрим что с ним делать.

Дальнейший разговор Денисов посчитал, что лучше не про-должать – для себя дороже выйдет и ушёл в молчание. Он от-вернулся и стал смотреть вдаль: туда за горизонт, где с высоты бугра открывался вид на многие километры, завораживая своей необъятностью рас-кинувшейся степи. Впереди была очередная балка, в которую предстояло спуститься и в этот

момент все сидящие лицом походу движения впереди километрах в двух на возвышенности следующей балки увидели двух всадников. Всадники чётко смотрелись на фоне горизонта и ясного неба и главное то, что они просто стояли, никуда не двигаясь. Все сидящие – кроме ездового – приготовили оружие. Панченко и Денисов вытащили револьверы, Комов достал из деревянной кобуры маузер проверил на всякий случай его и стал им ударять по ладони своей левой руки. Милиционеры взяли карабины наизготовку. Когда въехали на возвышенность бугра, то всадники, словно в воду канули, казалось что их и не было вовсе. Сколько

не крутили головами, осматривая окрестности даже намёка на их присутствие не было.

– Спрятались! – сказал Панченко, – значит, совесть не чиста!

Странно, но здесь вроде бы и прятаться негде.

– Чего там негде, – сказал ездовой, – по балке ушли, что тут непонятно. Мы в Гражданскую войну только балками и пользовались. От белых уходили, иной раз в тыл к ним заходили.

– А ты что в этих краях воевал? – спросил Панченко.

– Где же ещё. Только не прямо здесь... – хотя и тут довелось. Вначале под Екатеринодаром потом со Жлобой до самого Царицына через Калмыцкие степи пёхом шли. Ну, а после – уже в двадцать первом – со Жлобой в наших краях за бандами гонялись, пока не вычистили их полностью.

– Чего же в ездовых коли боевой такой?.. мог бы и далее послужить народу на более достойном месте, – спросил Панченко.

– Не-е-е навоевался! Считаю с четырнадцатого года. По горло хватит того, что сотворил: столько людшек на тот свет спровадил, что и на том свете грехи не отмолить, а на этом тем более.

– Боговерующий?

– А кто из нас не боговерующий?.. Вы вот говорите, – что Бога нет, а в душе сомневаетесь в этом, да и верите вы в Бога!.. только даже себе в том не признаётесь. Все мы грешные одним миром мазаны. А что насчёт того, – чтобы народу ещё послужить – так стар я уже для этого. Раны беспокоят, по ночам даже не сплю.

– Много раз раненный был?

– Хватает. И в империалистическую бойню и под Царицыном, да и в двадцать первом мимо не прошло. Так что не обесудьте, товарищ секретарь.

– Ну-ну, – сказал Панченко и умолк.

Миновав хутор Байдачный, на горизонте увидели крылья двух ветряных мельниц стоявших далеко друг от друга: одна на западе

вторая на востоке, а посредине ветряков торчал купол церкви; са-мой деревни не было видно – она распростёрлась вдоль реки, в низине прилепившись как можно плотнее к воде. Вскоре выехали на окраину села: свернув на восток и доехав до кладбища, спустились по улице мимо деревянных амбаров, которые строились ещё до революции, как и кирпичные купеческие магазины с чайной-закусочной, которые стояли в одном ряду за амбарами. Главная улица в самом центре села в этом месте делала изгиб подобие подковы. На одном конце этой подковы стояло двухэтажное здание, в котором ранее было правление села, а теперь размещался сельский совет и больница. На другом конце бывший поповский дом: теперь там располагался сельский клуб. В самом изгибе подковы стояло три здания в прошлом церковноприходской школы и начальной гимназии: сейчас два из них пустовали, а в третьем была школа и изба-читальня. А напротив этих зданий в сторону берега реки располагалась большая площадь, в центре которой стояла церковь с позолоченными куполами. Сейчас эта церковь пустовала: окна и двери заколочены досками вокруг запустение и многолетние заросли бурьяна и побегов деревьев. От центра села улица уходила рукавами. Один рукав на восток, другой на запад. К тому же с обеих сторон деревни их окраины были прорезаны балками: на восточной окраине в особенности глубокой и в половодье перебраться на противополож-

ную сторону иной раз было просто не- возможно. Линейка с представителями власти въехала в просто- рный двор сельсовета. Кряхтя, все сошли на землю, стали проха- живаться по двору разминая затёкшие суставы. Ездовой взял за уздечки коней, не распрягая их, повёл к яслям, где в это время стояли кони, которые наострив уши, издавая ржание, толи при- ветствовали незнакомцев, толи наоборот проявляли недовольство ими. Жеребцы хоть и матёрые были, но видимо за дорогу подус- тали, потому не проявляли никакого внимания к своим собратьям, шли за ездовым покорно, опустив головы.

В тот же день: по дворам жителей отправили срочно весто- вых оповещать всех о срочном собрании на площади у сельского

клуба. Возле крыльца бывшего поповского дома поставили стол укрытый красной мате- рией, принесли лавки и красное знамя, взятое в сельсовете. Собранный народ на площади теперь сто- ял лицом к столу, где восседало начальство, а спиной к церкви, иные заметив такое кощунство, тихо возмущались, говоря, что сделали они это умышленно, но скорее всего начальству было не до таких мелочей и получилось это просто случайно. В самом сельсовете долго не совещались, можно сказать, что не присев даже за стол, прямо на ногах вынесли реше- ние: «Антимонии не разводите! Брать быка за рога и всех поставить перед фактом! Голосистых и неблагонадёжных арестовать, посадить на отдель- ный транспорт и под охраной препрово- дить в райотдел милиции, чтобы другим неповадно было!..». Стоявшая толпа людей про- должала гудеть, когда, наконец, встал с лавки председатель сове- та, постучал по графину с водой чем-то железным и объявил:

– Прощу тишины!.. Сейчас перед вами выступит представи- тель районного комитета нашей Коммунистической партии ве- ликого вождя товарища Ленина!..

Он ещё долго зачитывал все эти надоевшие всем лозунги и имена вождей, назвав таки в конце фамилию выступающего представителя власти.

– Граждане сельчане, – выкрикнул тот на всю площадь, – выполняя решения съезда нашей великой Коммунистической партии и волю всего народа, а так же стремясь к тому, чтобы жизнь вашу сделать как можно лучше и цивилизованней район- ный комитет компартии вынес постановление. От – ныне на территории вашего поселения будут созданы, как ранее и пла- нировалось и неоднократно доводилось до вашего сведения два самостоятельных коопе- ративных хозяйства. Хотите вы этого или не хотите решение так или иначе будет претворено в жизнь. Ваше село с сегодняшнего дня делится на две части – вот по центру села, где мы сей- час и находимся вот через эту самую площадь. Западная часть будет входить в состав колхоза под на- звание «Красная Армия» – к этому хозяйству будут относиться

хутор Байдачный и хутор Нижняя Глебовка. Восточная часть села войдёт в колхоз «Пролетарий» – к нему присоединятся хутора Поповка и Цун-Цун. В созданных коллектив- ных хозяйствах вам предстоит избрать на основе свободного голосования подняти- ем руки, но с рекомендации актива сельского совета своего председателя колхоза, учётчика и завхоза. В ближайший день – можно сказать, что с завтрашнего дня будут определены места для живот- новодческих хозяйств, а также места для сельскохо- зяйственного инвентаря. В эти места вы будете обязаны свести свою живность, исключая птицу и снести инвентарь у кого какой име- ется. С этого дня работать станете сообща как на земле, так и возле скота. На всё прочее, как говорится, на раскрутку и упо- рядочивания этих дел вам даётся ровно неделя, считая с этого часа. Предупреждаю всех во всеуслышание, что всякий саботаж, уклонение от постав- ленной задачи партией и советской властью будет рассматриваться как злостная контррево- люция, с после- дующими последствиями. Такими элементами, которые будут вставлять нам палки в колёса, партия и народ нянчиться не бу- дут, для этого имеются органы ОГПУ.

Особо хочу довести до вашего сведения, что в других ста- ницах и сёлах вот уже целых два года как их граждане с успе- хом трудятся во вновь созданных коллективных хозяйствах на благо нашей великой Родины. Ваше село не подвинулось в этом направлении ни на шаг, хотя

к вам приезжали уже не раз. Потому и спрос с вас будет особый, потому как надежды, что у вас проснётся самосознание, у руководства района больше нет. Прямо ещё раз повторяю, хотите вы этого или не хотите вам придётся подчиниться власти – иначе, зачем мы тогда вообще есть! У меня всё! У кого есть прения, прошу на трибуну.

Толпа таила гробовое молчание. Немного подождав, поднявшись из-за стола, председатель сельского совета спросил в толпу:

– Может у кого-нибудь вопросы, какие будут? Задавайте.

Народ ответил тем же молчанием. Тогда поднялся вновь секретарь и сказал:

– Ну, если вопросов нет, значит всё и всем понятно. Будем выполнять! Собрание считаю закрытым можно расходиться. Над толпой в мёртвой тишине нависло облако человеческих незримых единых мыслей как холодная безнадёжность, которая висела над головами, была ощутима сознанием, но не в состоянии была проявиться, это почувствовали даже сидящие за столом представители власти. Народ какое-то время ещё стоял, молча уставившись сотнями глаз, в которых отражалась печаль и ненависть в сидящих за столом начальников. Потом не спеша, так же храня молчание, стали расходиться. Последующие дни в деревне были необычные, то, что стало происходить, село не знало со дня его основания. Самым дефицитным и дорогим товаром вдруг стала соль. За ней ехали во все концы, платили не торгуясь, лишь бы купить и побольше. Народ резал скотину и солил её. Вначале резали втихую, чтобы кто меньше знал. Но уже через два дня резали скотину никого, не опасаясь и не таясь. С лошадьми не знали, что и делать. Лошадь не зарежешь и не засолишь, как на грех и цыгане куда-то запропали, то хоть за треть стоимости продать можно бы было, а то хоть плачь! Были и такие, которые выводили в степь подальше, говоря ей на прощанье: «Иди дорогая, куда глаза глядят, может, лучшую долю найдёшь себе, чем в том колхозе...». Но к вечеру: глядит хозяин, а лошадь его уже дома по огороду шастает, тут поневоле слезу пустишь. Зарезать кормилицу семьи это не курице голову отрубить для семьи это трагедия, в особенности для женщин и детей, ибо повсеместно бурёнка в семье являлась полноправным членом той семьи. Её любили, жалели, ребятишки иной раз свой кусок хлеба ей отдавали и вдруг – зарезать!.. да хотя бы и отдать в тот же колхоз, что для них было одно, и тоже. Повсюду слышались мольбы, стоны, слёзы и причитания, в особенности рёв детей, они никак не могли понять, зачем это их любимую коровку вдруг зарезали. Мужики, словно с ума сошли: утирая со лба ка-

тившийся пот вместе со слезами, убивали то, что ещё вчера с заботой и лаской лелеяли – своих кормилиц и питомцев. Председатель совета и его подручный актив с ног сбились, бегая по дворам и упрашивая жителей не делать этого. Хозяин, выйдя на середину двора, утирая слёзы, жалобно молвит: «Да я то что?.. мне, думаете не жалко?.. Прихожу домой, а она чуть тёплая лежит возле яслей – болезнь какая-то, наверное – уж не обессудьте, сами пострадали. Теперь и в колхоз то не с чем идти, хоть бы остальное не передохло!..». У всех ответ был один и тот же.

Наконец поняв, что все уговоры бесполезны председатель, взяв с собой четверть самогона и солёных огурцов, заперся у себя в кабинете и запил горькую. Мужики же справившись с этим чёрным делом – так они сами называли его – запили с горя вместе с председателем. И теперь день, и ночь, под заборами они таскали друг друга за грудки, не понимая истинной причины свалившегося на них горя. Некоторые мужики пели песни, которые переходили в горькие рыдания, ходили вдоль улицы по деревне, обнявшись, или гоняли жён, считая их виновницами во всём. Были и такие, которые просто напившись до чёртиков, спали в канаве или под забором. За эти дни случилось более десятка пожаров в деревне. Горели гумна и сараи. Пьяные хозяева сами их поджигали, с отборным матом говоря при этом: «Пропадать! так пусть уже всё пропадает, что горбом своим создавал всю жизнь!..». Двоих успели из петли вовремя извлечь. Вот, в такой красочной атмосфере рождалось два колхоза – «Красная Армия» и «Пролетарий» – правда, за самих крестьян почему-то никто не додумался вспом-

нить, когда придумывали эти названия. Наступит день... и он уже недалёк, когда власть затаившая злобу припомнит им это, ибо таких вещей она никому не прощает, потому что человеческого сострадания найти у власти вряд ли кому представится возможным. И тогда когда селян поставят поголовно на грань жизни и смерти – многие из них – где-то в глубине души своей пожалеют о том, что решились тогда на такой поступок вырезать скотину.

В тот день, когда собирали народ на собрание, Любовь Филипповна после окончания схода жителей села направилась домой. Дом её находился рядом, напротив площади, где стояла церковь на отрезке одностороннего участка улицы, которая примыкала к речке. Шла и обдумывала то, что слышала минуту назад на площади. Для неё было вполне ясно как божий день, что в ближайшее время жителей деревни ожидает то, что она пережила ещё в начале двадцатых годов. Тогда это было предлюдией и коснулось лишь тех семей, у которых мужья и сыновья воевали против новой власти. В памяти всплыли те дни отравленные скорбью и печалью: потерей мужа, равнодушием, а порой и враждебностью отдельных жителей села к таким как она. Вспомнила, как забирали с подворья скотину оставшихся лошадей и даже мелкую живность. После ещё не раз приходили, увозя инвентарь и даже то, что было сломано и к делу не годилось. Последний раз ушли ни с чем: обшарив все углы и чердаки, на прощанье, сказав, что видимо, припрятала; отборно выматерившись и смачно плюнув на порог дома, удалились восвояси. На время оставили в покое, но когда стали выселять семьи явились вновь, теперь уже в новом составе: с бумагами и с представителем ОГПУ, который, одет был и выглядел как комиссар времён Гражданской войны он тут же пошёл осматривать все закоулки. Любовь Филипповна вышла из дома вместе с детьми во двор. Шестилетнего Сашу, поставив спереди, плотно прижала к себе; дочери – четырнадцатилетняя Полина и старшая Луша стали по бокам её. Вся заявившаяся компания долго их рассматривала, не произнося ни слова, может быть, обдумывая, что с ними делать. Закончив осмотр двора и всех сараев, к ним подошёл тот, что в кожанке и при оружии. Пристально оглядев стоящих мать и детей, остановил свой взгляд на старшей дочери и спросил:

– Что у неё с глазами... она хоть видит ими? – на что, стоявший рядом председатель совета сказал:

– Да она с детства почти слепая.

В кожанке крикнул, сдвину на бок фуражку, почесал под ней и сказал:

– Немошных и убогих этих констрикторов... тащить в такую даль?.. Лишняя морока! По пути ведь всё равно подохнут, а если и выживут, то проку тоже от них никакого. Они и здесь недолго протянут. Пусть остаются. Так и запишите в протокол. Пошли дальше. Кто там у нас на очереди?

Последующие годы их двор селяне стали обходить стороной, словно они чумные. Родня мужа – Квачёвы поголовно за родню считать перестала. Один лишь Федя Квачёв племянник мужа Любовь Филипповны носа не воротил, ибо хоть и жил он бедно, но и новую власть не жаловал. С годами, Фёдор обзаведётся многочисленной детворой в десять человек – и все девчата, и до последнего будет держаться статуса единоличника, занимаясь столярным делом. Двадцать второй год Любовь Филипповне даже вспоминать страшно, как только выжили? этого она не может объяснить даже самой себе, каждый раз вспоминая, говорила при этом: «Значит, так Богу угодно было. И если бы не отец с братом Бережные, то, скорее всего в тот год и Бог не помог бы – не выжили бы...».

В это время Любовь Филипповна дошла до калитки своего двора, прервав воспоминания, обернулась лицом на церковь, стала креститься, просить Бога сохранить и помиловать их рабов божьих простить грехи их земные, убереечь и спасти хотя бы детей от той беды, которая уже стояла на пороге села. После пошла мимо крыльцо на задний двор, где у кормушки стояла привязанная корова, подошла к ней и, обняв за шею, стала приговаривать:

– Вот и расстаемся мы с тобой кормилица ты наша. Завтра я сведу тебя к чужим людям. Ты уж прости меня грешную, не по своей воле отдаю тебя. Ты выкормила моих детей, спасибо тебе, милая.

Уткнувшись лицом в шею бурёнки, она долго и горько плакала. Корова, перестав жевать, повернула голову в сторону хозяйки и стала смотреть на неё, может быть, чувствуя, что хозяйке сейчас

плохо. Утром, когда по всему селу резали скотину, она, взяв за на- лыгач свою бурёнку, двинулась через площадь в сторону сельского совета. Войдя во двор, привязала корову к кор- мушке, где стояли лошади, и направилась в здание. В кабинет председателя вошла без стука, а войдя без всякого приветствия, лишь сказала:

– Корову вам привела. Забирайте! Есть ещё телёнок и три ярки приведу и их. – Чего ты её сюда притащила?! Куда я дену твою ко- рову?! Не видишь, что творится в деревне?! Всё ты лезешь – попе- рёд батька в пекло! Не до тебя сейчас и твоей коровы! Потом при- ведёшь, когда будет куда. Надо ещё построить базы и коровник. Вот завтра и выходи на общественные работы. Будем разбирать старые амбары и коровник строить. Церковь тоже придётся разо- брать... – всё равно пустует. Строить-то надо с чего-то.

– Как, церковь?! Кто же решится на такое?!

– А кто вас спрашивать то будет?!

– Это же большой грех! Нельзя такое делать! Бог не простит! Её строили ещё наши пра- деды, они за такое кощунство не раз в гробу перевернутся!

– Так! Знаешь, что? Иди ты со своим Богом куда-нибудь по- дальше! Не до тебя сейчас и корову свою забирай!

Любовь Филипповна более ничего не сказала, молча, поки- нула кабинет председателя, вышла во двор и, подойдя к яслям приговаривая, стала отвязывать корову:

– Пойдём, моя дорогая домой, видишь не до тебя им, пожи- вёшь ещё немного дома в таких делах и день дорог. Ведя корову, обратно домой, на площади перед церковью остано- вилась, за- драла голову кверху, стала смотреть на крест на куполе и мо- литься.

Общественные работы, о которых говорил председатель, не начались ни на следующий день, ни в последующие дни. Но ка- ждое утро Любовь Филипповна в обязательном порядке прихо- дила к зданию сельского совета. Видимо, когда председателю она совсем надоела, он с опухшей мордой от беспробудного пьянства нагрубил ей:

– Чего ты всё ходишь?! Тебе что, больше всех надо?! При- крыть нутро своё кулацкое хочешь?! Думаешь, я не вижу, что ты контра, как и муж твой, покойный! Как вы уже мне все надоели, вас бы подчистую ещё тогда спровадить подальше в Сибирь на- до было, тогда бы и тут поспокойней было. Всё это из-за вас, та- ких как ты!.. ну недолго вам осталось смеяться, возьмёмся за вас в ежовых рукавицах, в баранку согнём!

Плюнув ей под ноги, он удалился. С этого дня она перестала ходить к сельсовету и лишь когда уже начались работы по строительству подворья для животных, спустя время она всё- таки отправилась на общественные работы.

Одно колхозное подворье решили расположить на юго- восточной окраине села, второе на юго-западной оконечности. Церковь: материал для строительства решили поделить попо- лам на каждый колхоз поровну, правда как это сделать, чтобы друг друга не обидеть, сколько голову не ломали, так ни к чему вразумительному и не пришли. Предлагали и такой вариант – считать каждый кирпич и каждую доску, на что председатель сказал, что таким Макаром мы не построим не то, что до зимы, но и до второго пришествия Христа. Один шутник дополнил сло- ва председателя: «Вот как раз то, что надо, он же Бог и церковь его, поможет хоть разо- брать».

– Богохульник! Чтоб ты в тартары провалился за такие сло- ва! – послышались возму- щённые голоса присутствующих. Лю- бовь Филипповна в первый же день заявила, что церковь

ло- мать не пойдёт, даже если её сейчас же на месте расстреляют. На что председатель ухмыльнувшись, ответил, что с этим делом никогда не поздно, шлёпнуть всегда успеем, а разобрать ваш храм, как вы его называете, и без тебя разберут, было бы что разбирать.

Глебовке, как будто на роду было написано изначально на две половины разделённой быть. Главная улица, пронизывающая село с востока на запад в центре села прерывалась изогнутой подковой. Каждая окраина подпиралась балками, за которыми

стояли ветряные мельницы, на каждой окраине был свой фруктовый сад, где произрастали деревья, порой ещё посаженные первыми поселенцами. Теперь по окраинам строилось по одному колхозному подворью. Теперь казалось – всё было поровну, оставалось лишь сам колхоз создать. Однако спустя десятилетия, когда давным-давно колхозы объединят в одно хозяйство и назовут его по новому «Восходом» – память сельских жителей о том давнем времени никуда не исчезнет. По старинке будут продолжать называть каждую часть села: «Красной Армией» и «Пролетарием». Есть парадоксальный факт в истории этого села, о котором мало кто задумывался, и не сказать о нём было бы нашим упущением. Пройдут годы, минут десятилетия, на смену придут

«Лихие девяностые». Первыми разорятся и лягут – рассыпятся в прах самые богатые и знаменитые совхозы и колхозы – «Миллионеры» – так называемые, те, которые когда-то так легко и быстро вписались в новые веяния. Лишь колхоз «Восход» будет стоять до последнего, как когда-то стояли их далёкие предки, противясь созданию этих колхозов. Колхоз «Восход» будет отбивать атаки до тех пор, пока его совсем до нитки не разорят и выбора уже не будет, только тогда он прекратит своё существование. Поэтому тех, кто помимо своей воли столь трагически создавал это хозяйство, будут до последнего отстаивать его, не подозревая, что отстаивают тысячи раз проклятое их прадедушками и прабабушками хозяйство. Это очень напоминает отдельные случаи последней большой войны. В том тяжёлом для страны сорок первом были случаи, когда в одних местах командующие генералы сдавали армии, в то время как в других местах, всего взвод держал оборону против целой немецкой дивизии до последнего бойца и по несколько суток подряд. Они – эти поистине безвестные герои даже не подозревали о том, что далеко в тылу давно уже вражеские войска, а их попросту предали. Первые паломничества в Глебовку новоявленных «демократов» оканчивались ничем, как только народ не уговаривали – всё впустую. Как и тогда в

начале тридцатых годов соберут народ на сход и будут петь ту же песню со счастливым концом, только как бы наоборот. Оказывается!.. тогда поступили не правильно, создав так называемые колхозы, потому теперь их следует уничтожить, потому как жизнь

– оказывается – получилась не совсем счастливая как планировалось. И если это сейчас сделать!.. то тогда уж точно заживёте лучше, чем в Раю. А скотину и на этот раз под нож пустят: только уже не жители села, а само руководство района поспособствует этому: вначале обанкротит хозяйство, а потом за «долги» – созданные ими же вырежут скот, чтобы – «погасить их» – только неизвестно в чей карман. Последний из могикан как последний защитник Брестской крепости – последний председатель колхоза

«Восход» – Анатолий Сердечный. Именно он будет отстаивать до конца то, что когда-то было чуждо селянам, а так же его дедам и прадедам, но всё-таки создано было таким неимоверно тяжким трудом и со многими жертвами, что, в конечном счёте, способствовало тому, что селяне выжили в те тяжёлые страшные времена. Даже когда встанет угроза жизни Анатолию Сердечному он и тогда не отступит, потому как, все жители с ним станут едины. Кстати, что-то подобное, когда народ вставал единым в помыслах со своим начальником – в истории случалось не раз, но и не часто, таких случаев единицы. Теперь та же власть, но уже перевертышей вчерашних «коммунистов» явилась вновь разрушить созданное и жизнеспособное хозяйство.

Но!.. – это будет ещё не скоро и к нашей героине рассказа, которая ещё под потолком хаты в люльке качается, вовсе не имеет никакого отношения. Тогда в тридцатом, как власти не хотелось свершить сплошную коллективизацию в деревне всё-таки остались и единоличники, как говорится – на свой страх и риск. Скотину свою они не резали тогда в те злополучные дни, и сдавать никуда не собирались. Обрабатывали свои мизерные наделы и продолжали жить прежней жизнью. Будь, что будет! Власть пока их терпела, при этом обложив непосильным сель-

хозналогом. Народ в иных случаях становится упорный, потому, скрепя душой и сердцем лез из кожи вон, но не сдавался, про-должая вести единоличное хозяйство. Может быть, в будущем всё и обошлось бы как-то более благополучно, если бы не засуха и неурожаи тридцатого и последующих годов. Они то – эти годы: траурной лентой подвели чёрную и жирную черту в жизни крестьян, в том числе и всех жителей села Глебовка. Лето стояло засушливое: жара спасу нет, с востока дует изо дня в день гибельный сухой ветер, уничтожая на корню то, что могло спасти людей. Осенью, когда колхозы и единоличные хозяйства должны были рассчитаться с государством, вдруг выяснилось, хотя это заранее все знали, что хлебозаготовки выполнены лишь на треть. Государство требовало зерна, чтобы прокормить города и за валюту продать зерно за границу, потому как без валюты индустриализацию в стране не осуществишь. И продать кроме зерна нечего было. Началась новая компания по изъятию зерна у населения. Из райцентров выдвинулись сформированные бригады усиленные работниками милиции и представителями от ОГПУ. Поставленная задача гласила: «Зерно найти! Изъять! Единоличников раскулачить и сопроводить в Сибирь! самых злых расстреливать на месте!..» Среди единоличников было много таких, которые всю жизнь мечтали иметь свою землю и работать на ней: выходцы из самых в прошлом бедных семей. Имея происхождение из беднейшей прослойки общества, которые по праву новой власти имели все преимущества, они в одночасье превратились: «в злых врагов советской власти» – по истине – это нонсенс. Получалось, что народ и власть на деле по разные стороны баррикад и равным счётом ничего не изменилось. Скорее всего – это аксиома – незыблемый закон жизни человеческой: так было всегда и никогда не будет иначе, всё остальное – это тщетность!

ГЛАВА 3

Тысячу лет власть обещает народ накормить и обеспечить им достойную жизнь, а воз и поныне там. Вступив в колхоз, сельские жители лишились земельных наделов, и только приусадебные участки – огороды остались последней надеждой на то, что можно, как-то пропитаться, вырастив хотя бы ту же картошку и другие овощи. Огородам стали уделять особое внимание. Земли под огородами было по сорок – пятьдесят соток, их и стали срочно обкапывать глубокими канавами по всему периметру для того чтобы обезопасить от скотины. С этой поры у Виктора Алексеевича появилось много работы. Копал он эти канавы ежедневно весь световой день. Люди расплачивались за работу: чаще кто, чем мог, а больше – как говорят – за шапку сухарей. Может быть, именно по этой причине в семье Виктора Алексеевича не было достатка, а среди жителей деревни его семья, пожалуй, была одной из самых беднейших. Глава семейства слишком не унывал на этот счёт, говоря всякий раз, что у него на родине недалеко от Воронежа все так веками живут и ничего – ещё не вымерли, а людишек даже больше стало. Он вообще-то по своей натуре был человек неунывающий и всегда с хорошим настроением, избегал любых скандалов, всегда шёл на уступки и отзывался на всякие просьбы селян. Расстраивался лишь в одном случае: если требовалось найти то место, где могут находиться родники хорошей питьевой воды и вырыть колодезь, а родники оказывались либо солёные, либо с сероводородом. С появлением в семье дочери Наденьки он казалось, и белым светом не мог нарадоваться, каждый раз спеша домой принося ей гостинцы. Наденька на радость уродилась крепким ребёнком: смыслёная не по возрасту и самое главное, что радовало отца, более привязана к нему, чем к матери. Носилась по хате из угла в угол, пробегая мимо топившейся печки, нагибалась, брала веточку или щепку бросала её в топку, потом некоторое время смотрела на огонь, как та сгорает. Тут же повора-

чивала головку в одну сторону затем в другую, убедившись, что никто не грозит ей пальцем, кидала в печь ещё ветку. Год тридцать третий был самым тяжким: он ей не запомнится, ей то и было всего четыре года, но по многочисленным рассказам бабушки Любы и матери она будет знать всё до мельчайших подробностей. В тот год лишь сам господь бог не дал им умереть голодной смертью. Если бы одна их семья была поставлена на грань выживания, было бы полбеды, но в таком положении были почти все жители села. Взять займы или попросить было просто не у кого, потому как голодали все. Каждый боялся не за свою жизнь, а за жизнь своих детей, которых нечем было кормить. Уже в конце ноября, когда стало подмораживать по ночам вновь пошли по дворам, забирая последнее, если таковое у кого находили. Власть безоговорочно требовала выполнить план хлебосдачи государству. У одиночников, не погасивших сельхозналог, изымался скот и отправлялся на бойню, а значит, семья лишалась коровы, которая то и выкармливала малую детвору. Лукерью Александровну, словно Бог толкнул в бок. В осень: выломав початки кукурузы в огороде, не стала очищать кочаны от листьев, а связала в плети, затащила на чердак и под самым коньком камышовой крыши подвязала неочищенные кочаны к стропилам. Проверяли и чердаки, но поднять голову и посмотреть вверх никто не додумался. Кто бы искал зерно в верхней части крыши, к тому же в темноте чердака сложно было что-либо там разглядеть. Зима не заставила себя долго ждать: в декабре уже выпал снег, укрыв землю, за снегом пожаловали морозы. Словно поветрие чумы: медленно, незаметно, подворье за подворьем голод переступал через порог каждого дома. У одних раньше у других чуть попозже, когда доедался последний кабак, запеченный в печи, последний бурак, морковь и черыжка капусты. Овощи не забирали, но и на них долго не протянешь, потому как, урожая на них не было, как и на всё остальное. Людей даже злость брала от того, что в другие годы этого добра, девать некуда было, и скотина поедасть отказывалась.

Спрятанные на зиму бураки и кабаки в скирдах соломы зачастую промерзали, а к весне гнивали. Лукерья Александровна прики- нув в уме, сколько у неё початков кукурузы, не поленилась и, взобравшись на чердак, пересчитала их на ощупь. Она ещё, ко- гда спускалась с чердака, тогда уже поняла, что початков оказа- лось не столько, как она рассчитывала. Вошла в хату и стала подсчитывать дни до первой зелёной травы, потом разделила дни на початки, получилось – кочан на три дня к тому же на всю семью. «Так это же – смерть!» – сказала она вслух. Попыталась встать, ноги не держат во всём теле слабость и мелкая дрожь. Дождавшись мужа, ничего ему не сказав о том, что она обнару- жила, лишь уходя, предупредила: «Присмотри за дочкой, я к маме схожу». Быстро оделась и уже по темноте пошла к матери. На улице уже к вечеру подморозило. Идти в темноте было труд- но: замёрзшая грязь представ- ляла сплошные неровности, мес- тами, где грязь была особо жидкая, она проваливалась под ка- кой-нибудь ногой, при этом из замёрзшей корки брызгали струи жидкой грязи. К тому же плохое зрение не оставляло ей выбора и приходилось идти не выбирая дороги. Дорогой она обдумы- вала крайнее их семейное положение, и чутьё подсказывало, что идёт она к матери напрасно, потому как, подумала она, чем мать сможет им помочь... – если сама в таком же положении, разве что утешить. Войдя в комнату, забыла, и поздороваться с матерью. Мать в это время стояла у печи, повернулась в сторону вошедшей дочери, увидев, в каком она состоянии, с тревогой спросила:

– Луша, что случилось... – на тебе лица нет!.. с Наденькой что?

– С дочкой, мама, всё хорошо, другая беда меня привела к вам.

– Проходи и успокойся, а то тебя уже вон всю трясёт.

– Мама, скажите, как вы с Сашей собираетесь зиму пере- жить?

– Вот ты о чём, а я думала, что и впрямь что-то случилось.

– Голодная зима это, что по вашему суждению не беда?!

– Почему же, беда конечно... – но мне не впервой это: го- раздо страшней были случаи в моей жизни. К примеру, когда могли вывести за сарай или в конец огорода и в затылок при- стрелить. Вот тогда, Луша, действительно было страшно! А меня то – водили! Ведёт по огороду и стволom в спину между лопаток толкает, вел пока я по щиколотку уже в воду не вошла. Стой! – говорит, – что, обосралась? Затем толкнул револьвером в спину, так, что я в воду на четвереньки встала, и говорит, – ну замывай- ся. Сам затем ушёл. А я стою в воде на коленях, дрожу, а слёз то и нет, подевались куда-то. Вот тогда, по настоящему, было страшно.

– Вы этого никогда не рассказывали, мама, – тихо сказала дочь.

– А зачем вам знать такое? Такого лучше не знать да ещё про свою мать: жить тяжело станет, если всё знать будете. Я бы и сейчас тебе этого не рассказала, если бы ты не пришла такой убитой. Это я для того дала тебе подсмотреть в щелку, что бы ты поняла, что в жизни есть вещи и намного страшнее.

– Так я высчитала всё, что у нас есть... – разделила на дни и пришла к выводу, что нас ждёт голодная смерть, как же тут бу- дешь спокойной? Кукурузы то и на половину срока не хватает, пока трава вырастет кочан на три дня и то не хватает!

– Прежде всего, успокойся, а то и кукуруза останется целой, и ты раньше времени око- чуришься. Так нельзя! Если так себя вести, впадать в панику, то такие как раз и не выживают. Видела я подобных людей дочь, ещё в Гражданскую войну заметила и знавала таких...

– Да разве я за себя пекусь?! Наденьку до боли жаль она то, в чём перед Богом повинна?! Что же нам делать? Думать надо сейчас, потом поздно будет, когда пластом все лежать будем.

– Не переживай, дочь, что-нибудь придумаем. Есть у меня одна задумка, правда, ещё не совсем уверена в благополучном её исходе, но будем надеяться, что господь бог нам помо- жет.

– Мама говорите прямо, а не загадками!

– Коротко рассказать многое не поймёшь, а длинно не очень хочется, зачем тебе знать то, чего другим знать не положено.

– Опять какие-то загадки! Да скажите саму суть, мне не надо знать того, чего не можно другим. Мне надо знать – выживет ли моё дитё?!

– Ну, хорошо слушай. Тогда в тридцатом мы с кумой на Цун-Цуне прятали и выхаживали раненного казачка с Дона...

– Ой, мама, зачем вы это делали?.. мы и так на волоске висим! Хотите, чтобы всех в Сибирь отправили?!

– А что по твоему мнению, я должна была его раненного красным отвезти, чтобы они его, как моего Сашку отца твоего шашками изрубили или как собаку пристрелили... так по твоему?!

– Почему отвезти? просто, можно было не вмешиваться в такое опасное дело.

– Дура ты Лушка!.. уже тридцать, а ума как у телка ладно слушай, коль уже теперь главное знаешь. Пока казачок наш вы-здоровливал, на Дону уже всё кончено было: с оружием ему возвращаться никак нельзя, потому он на прощанье и сказал, что пусть оно пока у вас припрятанным побудет, гляди, вновь когда-нибудь понадобится. С тем и отбыл. С тех пор уже два года – ни слуху, ни духу, может, уже и в живых то его нет. Как рассказывают: их много там на тот свет отправили, подчистую истребляли, в гражданскую войну такого не творили. Так вот, бывая у кумы, я несколько раз ходила на то место, где спрятано оружие. По весне, когда оттаяла и просохла земля, я его перепрятала, вначале оно было спрятано в сарае у кумы, потом подумала: от греха по-дальше взяла да ночью и перепрятала, на берегу речки закопала. Иной раз пойду и посмотрю со стороны, не порушил ли кто? Всё не тронут, бурьяном поросло. Как-то осенью уже в ноябре, как раз в колхозы всех сгоняли который раз, а некоторых выселять потом стали пошла я к куме, проведать, жива ли она? Назад от неё возвращалась, когда уже сумерки опустились. Думаю, пойду

берегом реки: там осока за ногами грязь не тянется, заодно и схрон посмотрю. Пошла не улицей, а сразу через задний двор кумы и через её огород решила пройти прямо к речке. Ещё когда шла, остановилась возле сарая, где коня того казачка Василия прятали, постояла вспоминая те дни и намерилась дальше идти. Только это я вышла из-за угла сарая, смотрю вдали по берегу телега, одноконная поехала. Хоть и сумерки были, но ещё вполне рассмотреть можно было, что телега гружёная и лошадь еле тащит, мужик сидит, нагнувшись, и капюшон от парусинового дождевика на голову накиннул. Думаю, – куда на ночь, глядя, по берегу речки, где и дороги то нет, что-то везти? Стала за угол сарая и наблюдаю. Помнишь рощу, где когда-то до революции поместье там было? Вот туда в те дебри и въехала та телега. Меня даже страх взял. Идти туда я побоялась, да и темнело уже, немного постояв ещё пошла домой. Ночь почти не спала, всё думала, – что можно делать в тех развалинах и зарослях? Уже под утро, как всевышний Бог подсказал, – зерно, больше не чего. Как раз же раскулачивали тогда, в Сибирь ссылали. На следующий день, не заходя до кумы, я берегом по следу телеги пошла. Входить в заросли и развалины долго не решалась, всё стояла на окраине среди деревьев, прислушивалась – боязно как-то было. Тихо кругом одни птички порхают с дерева на дерево. Потом решила, вновь вышла на след и пошла по нему вглубь чащи, но он меня вывел на другую окраину рощи, а далее пошёл к дороге, что на Гуляй – Борисовку. Странно, подумала я, зачем ехать вдоль берега, потом через заросли, где нет дорог, если можно ехать сразу по дороге, коль ты направляешься в Гуляй – Борисовку? Тогда я пошла назад и стала тщательней осматривать, искала то место, где телега могла останавливаться. И нашла это место. Потом уже не трудно было по следам на сухой траве отыскать то место, где он схрон сделал, как он его не маскировал, а в темноте это вряд ли удастся, следы хорошо видны были. Вот уже два года как то, что там прятали, лежит не тронутым. Я не раз туда ходила и смотрела – всё как в тот день, даже ни одна ветка не сдвинута с места.

Я не знаю что там?.. но думаю что зерно. Ни разу не собиралась лезть туда, – не я положила туда не мне и брать. Всему есть свой хозяин. И молчала всё это время, никому не говоря лишь из-за того, что кроме меня и самого кто прятал, об этом ни одна живая душа не знала. Кто он? Тоже не знаю – под плащом и капюшоном не разглядеть было. Но скорее всего из тех, кого в Сибирь после выслали, может, уже и живого нет. Если бы было иначе, уже за это время кто-то да наведалься бы.

Дочь всё это время слушала затаив дыхание с явным выражением страха на лице, когда мать сделала длительную паузу, она сказала:

– Если там и зерно, то за два года, что от него осталось?.. – скорее всего, одна половина.

– Это ты так думаешь, – сказала мать, – тот, кто прятал, знал цену зерну. То был настоящий хозяин, а такие не позволят зерну сгнить и они это хорошо умеют делать. Если зерно выдержанное и твердо как камень в сухой земле может лежать годами, а может быть и десятилетиями о том ещё в старину говорили.

– Если зерно даже не пропало, скажи, как мы его оттуда возьмём? Ни дай Бог, кто-нибудь увидит, подсмолит, после до- несёт, придут с обыском. Что тогда? Сибирь?! Тогда уж точно по дороге сдохнем!

– Это милая, уже не твоя забота как его оттуда взять. Если бы я не знала наперёд, как его взять оттуда я бы ничего этого и не рассказывала тебе.

– Опасно это мама, не утаить ведь, всё равно дознаются, сейчас все голодные сидят!

– Я бы на всю деревню поделила каждому поровну, если бы можно было. Но этого сделать нельзя по двум веским причинам. Первая, это поделив на всех достанется, дай бог по горсти, а может и того меньше, а значит положения не исправит. Но не это самое страшное, куда страшней то, что поделить не дадут, тут же всё за- берут, ну а тех, кто делил судьба, думаю, печальная ожидает.

– И какой же выход?

– Луша, ты зимой в хате печь топишь?

– Ну а как же, чего это мы морозить себя будем?

– Печь чем топишь?

– Чем все, чем придётся. Соломой, но чаще всего будылья- ми из подсолнухов, кизяком, дровами – когда хлеб пеку... уже забыла, когда последний раз пекла.

– Я тоже топлю печь, и мне также не хватает всегда дров, от которых в доме становится тепло и уютно. У тебя муж дай Бог ему здоровья, силён и здоров как бык: вон, какие тачки с сеном или с соломой тягал вместо лошади. Вот он и будет нам дрова носить: себе домой и тёще немного. Думаю, не убудет с него.

– Причём здесь дрова и зерно? Что-то, мама, я совсем вас не понимаю, вечно вы всё загадками своими с толку сбиваете.

– Чего тут понимать? За дровами будет ходить на старую усадьбу, а в дровах, в вязанке сумку с зерном приносить будет. Теперь поняла?

– Да понять то поняла, только и другие пойдут за дровами, а как подсмолит кто?

– Ты как пуганая ворона. Осторожным надо быть. Ходить в то время, когда другие не ходят. Утром, когда идут за дровами ты уже навстречу с вязанкой. Кто вязанку проверять станет да и глядеть на неё никто не станет.

– Как же схрон, если кто-нибудь наткнётся?

– Для этого я и говорю, что аккуратность и осторожность требуется. Два года лежало, никто же не наткнулся. Там такие заросли и развалины, что сам чёрт ногу сломит. Главное всё ост- тавлять в нетронутном виде, дорожку не натаптывать, с разных мест подходить. Господи, чего я тебе всё это поясняю, будто ты туда пойдёшь. Вот пришлешь своего Виктора ко мне, ему я всё подробно и объясню. С утра завтра пусть приходит лучше как можно раньше. Теперь

иди домой, Виктору всё расскажешь, что бы мне долго не рассказывать ему подготовку его. Проводив дочь до калитки, немного постояла, взглядываясь в кромешную

тьму улицы, где через десяток шагов исчез силуэт дочери; по- глядела вдаль на мерцающие тусклые оконца хатёнок разбро- санных между пустырями, тяжело вздохнула и направилась к се- бе в дом. В прошлые годы до всех этих коллективизаций, не го- воря о временах более дальних народ жил по иному, чем сей- час. Вечерами, даже в непогоду осени по деревне рас- катывали на лошадях или верхом, слышались песни, иной раз и мордо- бой, но, тем не менее, село жило весело. С приходом новой власти всё это давно умерло. С наступлением темноты деревня словно вымирала и все сидели по своим хатам. Как говорили селяне: «На шо шукать лыхо, оно и само прыйдэ». Когда кому-то приходилось припоздниться или идти по неотлож- ному делу в поздний час люди, повстречавшись на пути, пугались друг друга. Некоторые пере- бегали на противоположную сторону улицы, иные ныряли в ближайший двор, откуда тут же слышался злоб- ный лай собаки, а то и голос хозяина: «Кого там нелёгкая ны- сэ!..» – Случай- ный посетитель убирался быстренько со двора, и наступала вновь тишина.

Любовь Филипповна была женщина смелая и каждого куста не боялась, потому ещё затемно она с зятем отправилась в свой первый вояж на разведку. По деревне шли молча. Когда мино- вали ветряк, и прошли на окраину бывшего панского сада, вы- шли на берег реки, тёща стала поучать зятя:

– Если там, – сказала она, – всё как я думаю, то нам надо с зерном управиться до того как выпадет первый снег. Когда он выпадет?.. Бог его знает, но знаю одно: по снегу лучше туда не ходить. Вот ещё что Виктор... – если принесёшь домой зер- но, его надо будет хорошо спрятать. Подготовь в подвале у себя, да и у меня заодно место: ямы ты умеешь хорошо ко- пать. Вот, правда, глину, ума не приложу куда девать? Её за- разу за версту видно, сыпать, где попало никак нельзя. В са- рае по полу надо рассыпать, притрамбовать и соломой затру- сишь. Ты меня слушаешь?.. – взглянув на зятя, спросила она, – ну так слушай и запоминай, там, когда придём на место, мне

некогда тебе будет рассказывать и поучать, дело надо будет делать, а не разговоры вести. Войдём в поместье, иди акку- ратно, молодые побеги не ломай, ногами не наступай на них. Бурьян сухой тоже не ломай, ногу ставь на чистые места и не вдавливай её как лошадь в землю. След то всё равно найти можно, если этим заняться, потому мы не должны привлекать к себе внимания. Вначале я собиралась использовать в этом деле куму свою Щербаньскую: как бы хорошо было – мы бы за час управились, но потом подумала и решила, что лучше в та- кое дело чужих людей не впутывать.

Виктор Алексеевич шёл и молча, и слушал тёщу. На плече у него висели верёвки, за поя- сом поблёскивал топор; задрал го- лову и устремив свои близорукие глаза вдаль, где уже чёр- ной тенью видна была роща, шёл размашистым шагом, а тёща еле поспевала за ним. Она даже злилась, что он такого небольшого роста с короткими ногами и за ним не угнаться. После короткого молчания она снова принялась за напутствия:

– Там я наметила три дороги к тому месту, хотела больше отыскать, но кругом заросли, только с топором пробить дорогу можно, а этого делать нельзя. Потому будем ходить по тем трём. Ты Виктор, должен укрытие разобрать так, чтобы на место всё в том же порядке водру- зить, потому, когда будешь разби- рать, загодя смотри и запоминай, как всё уложено. Возьмёшь мешок из схрона, унесёшь подальше от того места, там разде- лим, обвяжем дровами и пойдём в обратный путь. А там, что Бог даст. Если нас вдруг поймают с этим зерном... – то, если хо- рошенько подумать, так мы мало что и теряем. Сам посуди: не принесём зерно – с голоду вымерем, а какая разница от чего умирать, от пули может быть и легче.

В это время они подошли к окраине зарослей. Сразу войти в рощу не представлялось возможным, кругом стояла сплошная стена ветвей. Они пошли вдоль по опушке, ища проход

в зарос- лях. Наконец вышли на одну из заранее намеченных тёщей тро- пинок, после чего стали углубляться вглубь рощи. Когда они бы-

ли уже на месте, совсем рассвело. Подошли вплотную на то ме- сто, Любовь Филипповна какое-то время стояла над ним о чём- то думала, наконец, указала пальцем, сказала зятю:

– Здесь начинай разбирать.

Не торопясь он стал убирать вначале хворост и сухой бурьян, после убрал уже совсем рассыпавшийся саман. Далее пошли доски, уложенные с перехлёстом, как кроют черепи- цей. Доски стал складывать стопкой рядом, некоторые из них подгнили с белыми разводами грибка и от них шёл стойкий запах затхлости. Под досками был натянут холст парусины, откинув его, далее лежал камыш. Любовь Филипповна мыс- ленно уже была уверена, что под всем этим лежит зерно, ос- тавалось лишь выяснить в каком оно состоянии, но судя по устройству кровли захоронения уверенность в том, что зерно не пропало, с каждой минутой возрастало. Она не стерпев, сказала:

– Да! Сразу видать рука настоящего хозяина. Надо же... – ка- ких людей угробили!

Когда аккуратно сложили камыш в кучку, перед взором воз- никло то, что было здесь спрятано два года тому назад. В пер- вом ряду лежало три мешка, которые были до основания по- едены мышами. Ткань верхних мешков представляла плачевное состояние: множество дыр, через которые зерно просыпалось куда-то вниз в свободные пространства затянутые сплошной паутиной. Сверху мышиный помёт и шелуха от пшеницы. Но главное, что везде было сухо и ни малейших признаков влаги. Само захоронение располагалось в ступенях, которые когда-то вели в подвал, сделанных из кирпичной кладки, а по всему пе- риметру кирпич был обставлен камышом. Как-то почти разом, тёща и зять нагнувшись, зачерпнули ладонями зерно, поднесли к глазам и стали его рассматривать. Любовь Филипповна рас- прямив ладонь, с силой дунула на неё, шелуха с паутиной похо- жей на серёжки вместе с мышинным помётом улетела, а на ла- дони остались лежать целые зёрна пшеницы.

– Если наверху, считай, почти половина зерна целой сохрани- лась, то внизу оно всё целое: мышь не дура вниз не полезет, если вверху под камышом еды полно, – сказала тёща. Она до сих пор продолжала любоваться зерном на своей ладони, словно это были камешки бриллиантов. Зёрна действительно были красивы, отда- вая на дневном свете своей краснотой и блеском янтаря, казалось, что они насквозь просвечиваются, тем самым притягивая взгляд человека. Наконец, она отвела взгляд от ладони и сказала:

– Пожрали немало бестии! Мешки сверху дырявые не уне- сти. Давай доставать из сере- дины те должны быть целы. Это по- еденное если удастся, заберём в последнюю очередь – пусть сыпется вниз. Интересно, сколько же тут их... глубока ли сама яма, может он, сюда не раз привозил?

– А Бог, его знает, – сказал зять, – вот когда доберёмся до- низу, тогда и узнаем.

– Это я и без тебя знаю, – недовольно сказала тёща, – умник отыскался. Не до этого сей- час, давай сдвигай верхние и доста- вай с середины, а то мы тут с тобой до вечера проторчим. Когда вытащили мешок и осмотрели его, убедились, что он невредим. Отложили его в сторону и приступили водворять всё на своё ме- сто. На это ушло не менее получаса и когда уже каза- лось, захо- ронение приняло первоначальный вид, а зять стоял с мешком на плече, Любовь Филипповна всё ещё наводила последние штрихи макияжа, чтобы скрыть следы проникнове- ния. Наконец повернулась к зятю и сказала:

– Всё, уходим не торопясь. Иди за мной и ставь ногу туда, куда буду ставить я.

Вскоре они уже шагали по берегу реки в сторону дома. У каждого за спиной увязанная верёвками маячила вязанка дров с хворостом. У Виктора Алексеевича она была раза в два больше чем у тёщи. Было ещё только утро, когда оба находились уже у себя в доме. Первый рейд оказался удачным, потому что на их пути даже встречных не оказалось. В последующие дни Виктор Алексеевич в походы отправлялся сам, каждый раз принося чуть

менее мешка пшеницы. Под конец выяснилось, что в захоронении лежало изначально восемь мешков: подсчитав, вес даже удивился, оказывается, там лежало более полутоны зерна. Последние две ходки в одну ночь Виктор Алексеевич сделал, когда повалил снег, и началась настоящая метель. В ту ночь он под метёлку выбрал всё из ямы, после её завалил, как попало всем, что было под рукой, забросал ветками и сухим бурьяном, переkreстился, помянув благодарностью неизвестного хозяина зерна, и пошёл уже, не разбирая дороги. Заготовка дров на зиму была окончена. Зерно спрятали в погребах в ямах, заставив те места кадушками и всяким хламом. Теперь голодная смерть им не грозила. Любовь Филипповна предупредила дочь, чтобы не вздумала что-нибудь печь в печи из пшеницы: «Сразу на всю деревню дух пойдёт, его ни с чем не спутаешь. У человека истощённого голодом от этого запаха сознание теряется...» – сказала она.

– Как же я могу что-то спечь из зерна, если его ещё смолоть надо, – сказала дочь.

– При желании можно и в ступе столочь, после на сито просеять и пеки на здоровье: хоть и не первый сорт мука, но мука всё – таки. Варите в чугуне, оно-то так надёжнее будет.

Отправляясь к родителям, всякий раз, насыпала в кувшин зерна и относила им. Семья деда Филиппа разрослась: у Ивана, брата Любовь Филипповны было уже четверо детей, самому старшему Ванечке шёл шестнадцатый год, Таисии было девять, Катеньке четыре года и самой меньшенькой Марии два годика. Однажды, когда она принесла пшеницу в очередной раз, отец отозвал её в другую комнату и стоя на пороге, строго спросил:

– Любка, ты, где зерно берёшь?.. Ты с огнём не шути! По краю пропасти сама ходишь и нас под беду подвести можешь!

Дочь не стала лукавить и изворачиваться, а взяла за локоть отца и увела в дальний угол горницы, где под стеной стояли лавки, а в святом углу расположился иконостас с большой мерцающей огоньком лампадой. Усадила отца на лавку, сама села с боку и немного наклонившись к его плечу, стала тихо рассказы-

вать, всё как есть. Когда она умолкла, отец ладонями хлопнул по своим коленям и сказал громко:

– Ох и шельма же ты Любка!.. какая с детства была – такой и в жизни осталась!

Жизнь текла своим чередом. Начало зимы ещё не успело поставить людей на грань жизни и смерти, но первый звонок прозвучал как раз в канун нового тридцать третьего года. За выпавшим снегом последовали морозы: по улицам села разъезжали на санях, и казалось, только радуйся этой прекрасной зимней погоде, как это всегда бывало в прошлом да наслаждайся жизнью, радуясь предстоящим новогодним праздникам и рождеству Христову сидя за праздничным столом. К великому сожалению и большой беде народу было не до праздничных веселий. В одно декабрьское утро: как только рассвело и в небе засияло морозное солнце, по селу разнёсся женский голосистый крик случившегося горя – потому что крик этот говорил сам за себя. А спустя немного времени к тем вначале редким голосам присоединилось множество других подобных истеричных. Народ выбегал из хат, спрашивая друг друга, что случилось. Толком никто ничего не знал, а в это время в восточной части села всё нарастал голосистый женский плач. Собаки во всей округе вначале лаяли и рвали цепи: завывала одна, а за ней подхватили остальные. Теперь даже жуть брала: собачий вой смешался с людским криком. Любовь Филипповна услышав недобрый шум на улице, быстро оделась, выскочила на середину улицы и, отодвинув край платка, освободив ухо, стала прислушиваться к тем дальним голосам, которые доносились со стороны окраины села. Мимо на полном галопе проскакал всадник, она было рот открыла прокричать ему и спросить о случившемся, но того и след уже простыл. Впереди видела, что народ бежит в ту сторону, откуда крики: оглянулась – улица пуста, значит поздно вышла я – подумала она – и устремилась за всеми. По пути из двора выскочила родственница по мужу Мария, у которой на бегу она спросила:

– Маша, скажи ради бога, что там случилось?!

– Да нэ знаю, як там дило було, но кажуть, шо Катэрына Иг- натовська сама повисылась, а диток в хати печным угаром подушила!

– Да ты, что говоришь?!.. Страх то и грех, какой! Это же поч- ти рядом с моей дочкой они живут. Вот горе то, какое!

Далее они скорым шагом пошли в том направлении. К тому времени, пока Любовь Филипповна вместе с Марией утопая по шиколотку в сухом измельчённом снегу, добирались на ту сто- рону глубокой балки, чтобы попасть ко двору Игнатовских наро- ду собралось уже изрядно, и он всё пребывал, люди стекались со всех сторон, будто ручейки в весеннюю рас- путицу со всех уголков деревни. У двора, где случилась трагедия, к самой хате было уже не подойти: стояла сплошная стена человеческих спин. Впереди в самом дворе ещё слышался, плачь женщин, а те, что стояли вдали таили молчание. Мужики злобно нахмури- лись: в глазах отчаяние, непокорность, страсть к мятежу – кру- шить всё кругом и подчистую! Порой каза- лось, что достаточно одной искры, одного провокационного чьего-то поступка и на- род бы взбунтовался. К счастью в толпе провокаторов не оказа- лось. Народу был слишком памятен ещё свежий пример собы- тий на Дону, оставалось стоять и скрипеть зубами. Любовь Фи- липповна вскоре оказалась в гуще толпы селян, которые всё время теснились, напирали на впереди стоявших людей, пыта- ясь заглянуть вглубь двора; на морозном воздухе люди глубоко дышали, отчего над толпой повисло облако пара. Порой в толпе слышались возмущённые упрёки вла- стям: «Довели народ, что уже вешаться стали! Их бы детей, прости господи таким Мака- ром подушить! Чтоб им на том свете пусто было – коллективиза- торы проклятые!» Слова, выры- вавшиеся из толпы, словно камни били по голове каждого стоящего. Любовь Филипповну от всей этой накалённой людской атмосферы даже в дрожь бросило. В памяти вдруг всплыл год восемнадцатый, когда в село вместо казаков и Деникинцев вошли украинские гайдамаки. Тогда ду-

мали, что в село нагрянул сам дьявол, ибо то, что стали творить эти бестии ада, даже вспоминать страшно. Мысли её прервал возница, который правя лошадьми, прокладывая себе дорогу и громко просил уступить её. Лошади тянули санки, в которых си- дело два человека в форме работников ГПУ прибывшие из Иль- инки, где находился их опорный пункт. Пред- седатель сельсове- та и участковый через весь двор от входа в хату бежали им на встречу. Подбежали как-то разом с обеих сторон и стали докла- дывать о случившемся: приехавшие вылезать не торопились и продолжали сидеть в санях, слушая доклад. Совещание это – народу стало надоедать: из-за чего по толпе вначале пошёл ро- пот, вскоре переросший в гул. Один из прибывших поднялся в санях, повернулся лицом к толпе, отчего она тут же притихла, долго и пристально оглядывал народ, наконец, поправив на го- лове каракулеву шапку со звездой, бросил слова в толпу, буд- то грубым матом обложил:

– Чего собрались?! Покойников не видели? Соскучились? Так напомним можем! У вас что... впервой в деревне от печи угора- ют? Насколько я знаю, каждую зиму по деревням такое случает- ся. Расходитесь по домам, нечего тут митинги устраивать! Вы бы лучше в колхозе так дружны были как на похоронах. Расходитесь! Хоронить завтра будем, а может и послезавтра. Могилу ещё предстоит вырыть вон, какую большую да ещё в мёрзлой земле. Вот и потрудитесь с ломом и лопатой, а орать все умеют!

Из толпы послышался выкрик:

– Мать нельзя хоронить вместе с детьми – она висельница!

– Кто это там такой умный? – спросил в толпу представитель от ГПУ, – кого и где хоро- нить не вам решать земля везде одина- ковая. Вместе... порознь – это поповские бредни. Если ты там ум- ник горластый, такой образованный бери лопату и, пожалуйста, на здоровье себе копай каждому по могиле мы не против этого. Мы подождём, благо мороз стоит не торопит с похоронами.

Из толпы, которая не расходилась, послышался новый вы- крик:

– Когда над народом перестанете измываться?! Дети пухнут уже от голода!

– А-а-а... вот вы куда?! Голос контрреволюции слышу! – с этими словами он расстегнул кобуру, достал наган, взвёл курок и, согнув руку в локте устремив ствол нагана в небо, крикнул что есть мочи:

– Да я вас всех... да по этапу: всей деревней в Туруханский край! А ну разойдись! Не то по мандату чрезвычайного положения пристрелю первых же, не спрашивая ни имени, ни фамилии! – При этом он выстрелил в воздух. Народ не торопясь стал расходиться. Видя, что народ повиновался, вложил наган в кобуру, слез с саней и, обращаясь к председателю, сказал:

– Значит так!.. Назначь людей, пусть сколачивают гробы, других отсылай сейчас же рыть яму, (Так и сказал – не могилу, а яму словно собирались закопать павший скот.) пусть роют и ночью – костёр разведут. К утру, чтобы вырыта была. Чем быстрее закопаем, тем быстрее успокоятся. Как мне уже доложил уполномоченный она жена контрреволюционера, – туда ей и дорога. Муж её на Дону с казачками против советской власти воевал. Вот и зарыть её как врага народа с её последышами и как собаку иного она и не заслуживает. Сейчас возьми троих понятых, и едем в правление, там составим протоколы и акты, как это полагается по закону. Завтра к обеду позвоните и доложите, что всё сделано как надо. Я звонил в район: на днях к вам прибудет представитель из райкома, вот перед ним и будете отчитываться. К саням подошёл участковый Гнилокишко:

– Разрешите? – обратился он, протягивая на вытянутой руке листок бумаги, – здесь её предсмертная записка. На столе лежала под солянкой. Взяв в руки листок, долго вчитывался, видимо плохо разбирая почерк или сам язык и стиль, на котором она была написана, потом протянул своему напарнику, сказал: «Положи в папку, к делу подошьём».

Ещё утром, когда участковому дали в руки записку он сразу понял, что её придётся отдать органам. Хотя он в какой-то мере

тоже относился к тем же органам правопорядка, но прежде всего он не забывал, что он такой же житель деревни, как и остальные все: выдернув из-за спины полевой планшет, достал лист бумаги и переписал дословно содержание записки. Позже, спустя месяц содержание этого предсмертного письма будет гулять по деревне, коряво переписанное друг у друга. Многие особо верующие, попросив переписать на листочек записку, после несли домой, и клали за иконку, после чего становились на колени, крестились и читали молитвы по страдальцам. Церквей не было не только в сёлах, но даже в райцентрах. Их начнут открывать лишь после сорок третьего, когда немцев угонят за реку Миус. Записка была по содержанию не большая, но она говорила о той трагедии, обездоленности, тщетности русского крестьянства, которое установилось на всем пространстве этого необъятного государства. Предсмертная записка гласила:

«Господы, просты мьнэ рабу твою грешну. Просты, Мать Божья и царьца небесна, мьнэ и моих нысчастных диток. Простытэ мьнэ, люды добри, шо я такэ сотворыла. Немочь було бачить, як мои дытыны пухнуть с голоду и наливаються водою. На том свити, може, господь Бог сжалытья над ными, моими родненькыми дитками.»

«Господи, прости меня рабу твою грешную. Прости Мать Божья и царица небесная, меня и моих несчастных диток. Простите меня, люди добрые, что я такое сотворила. Не могла больше видеть, как мои дети пухнут от голоду и наливаются водою. На том свете, может, господь Бог сжалится над ними, моими родненькими детками.»

Егор Игнатовский родом был из донских казаков. С Екатериной они поженились, когда обоим было уже под тридцать лет. Катя не пожелала покидать родные края и переселяться на Дон, на чём так настаивал Егор.

– Строй здесь хату, – сказала она, – здесь мои все родные похоронены, на кого я их оставлю? В двадцать втором от сыпня-

ка все умерли, я чудом тогда с того света выкарабкалась, а меньшего брата увезли куда-то – в детдом наверное, с тех пор ничего о нём не слышно. Сейчас он взрослый уже: начнёт ис- кать, придёт бумага сюда, а те отпишут – не значится такой. Нет. Здесь будем жить, может, потом и уедем на твой любимый Дон. Егор беззаветно любил свою Катю, потому, не преко- слова, по- ступил, как она сказала. С помощью своей родни с Дона в одно лето построили новую хату. Добротную хату с четырёхскатной крышей такие казачьи дома строили на родине Егора. В осень он уже вселился в хату вместе с молодой красавицей женой. Уже через год родился первенец мальчик, а за ним в промежут- ке полтора-два года родилось ещё два маль- чика. Все трое по- хожи друг на друга: кудрявые такие головки со светленькими волосами, будто с иконы снятые. Родители не могли нарадо- ваться ими, души в них не чаяли. Но пришёл год двадцать девя- тый. Егор с каждым днём становился замкнутый, печальный, больше мол- чал, коротко отвечал на вопросы жены. Слухи с До- на, так или иначе, просачивались и сюда, ибо у многих жителей села были тесные родственные связи с Доном. Вначале Екате- рина не могла понять причину столь резкой перемены настрое- ния мужа. Начала было подумывать, не завелась ли какая за- зноба на стороне у Егора. Терпела не одну неделю, надеясь, что муж сам скажет причину своей угрюмости и отчуждения, но Егор продолжал упорно помалкивать. В один из вечеров уложив детей в кровати, подошла к кровати, где уже лежал муж, села у его изголовья на табуретку и, глядя ему в лицо, сказала:

– Ну, Егорушка, кончилось моё терпение, рассказывай, что за болячка к тебе прицепи- лась, и какая она эта болячка?

Егор отбросил в сторону одеяло, свесил ноги с кровати и, опустив голову, сказал:

– Что ты, Катя, какая там болячка – выдумашь такое.

– Ты думаешь, я не вижу, что ты ходишь как неприкаянный?

У тебя ведь на лице всё написано, Егорушка!

– Душа болит, Катя! Будто штык мне туда вогнали!

– Чего же это она у тебя родненький мой болит? – спросила она улыбаясь. Когда он стал ей говорить далее о своём наболев- шем, ей стало уже не до улыбки. Лицо её вначале стало суровым, нахмурилось, а после выглядело настолько печальным, что на её лице даже девичья красота поблекла, что-то старушечье отража- лось во всём её облике. Она, сидя на табуретке, согнулась дони- зу, сторбатилась, что так явно отражало её внутреннее состояние. Муж, заме- тив столь резкую перемену в жене, на время даже примолк, с жалостью глядя на Катю. Егор не стал выкручиваться, а выложил всё как есть по поводу его думок о событиях на Дону. Когда Катя всё это услышала, её женское чутьё, которое дано им от природы сказало ей, что дни их совместной жизни сочтены. Скоро Егор, так или иначе, их покинет, и скорей всего навсегда. И она его уже никогда – никогда не увидит его! Мужа она успела изучить и понимала, что отговаривать его напрасное занятие, а потому, решила она, придётся покориться судьбе. А он, тем вре- менем продолжал доказывать ей, убеждать в правоте своего на- мерения отправиться на Дон и принять участие в боевых дейст- виях. Катя почти не слышала его, потому как она наперёд знала, чем это может кончиться для него и для их семьи.

– Пойми ты, Катенька, душа разрывается, когда знаю, что мои побратимы сейчас насмерть рубятся! Я же с ними ещё в шестнадцатом на австрийцев в лаве ходил, в прорывы и рей- ды, раз чуть до самой Вены не дошли! Скольких схоронили! Меня поперёк лошади до Карпат еле живого довели, жизнь, считай, спасли! И получается, что сейчас они там – на Дону головы кладут, а я тем временем, под титькой бабской лежу, пригрелся! Пойми ты! Ну не могу я их бросить!.. они же мне как братья, это как струсить, предать, в бою спрятаться! Не могу, понимаешь?!

Катя продолжала сидеть на прежнем месте, в том же согну- том положении, опустив голову, а слёзы обильно текли по её щекам и капали на половичок, прокинутый возле кровати. Катя его не перебивала. Она заранее знала: что вот он сидит перед

ней, свесив голые ноги до пола, и видит она его, возможно в последний раз в этой жизни.

– Егор, – сказала она через слёзы, – тебя же убьют! Что же я буду делать с этой оравой детей? Мы же не выживем без тебя! Разве ты этого не понимаешь?!

– Если тому быть, Катенька, так меня и здесь чекисты рано или поздно кончат. Прознают за прошлое: с кем воевал, на чьей стороне и отведут к яру. От судьбы не уйдёшь! Ну, а если что, бросай всё и перебирайся в Кочетовскую: там родни много про- пасть не дадут. А с хлопцев моих лихие казаки выйдут!

В одну из ночей, Катю, словно кто подбросил в кровати. Вскочила, ладонью проверила тёплое ли место мужа в постели, убедившись, что оно давно видимо холодное в одной исподней рубашке кинулась во двор. Зашла в сарай и сразу всё поняла. Рядом с коровой место было пусто, лошади не было. Взявшись за столб разделявший кормушку коровы с конём, она навзрыд заголосила тихим стоном, постепенно сползая по столбу на землю. Когда колени коснулись пола, усеянного соломой, опёрлась руками о ясли, положила голову на них и плакала до тех пор, пока уже и слёзы перестали течь по щекам. Начало зимы тридцать второго года было для неё зимой последней в её жизни. Третий год шёл, как о судьбе Егора не было никаких вестей. В душе она давно уже смирилась с тем, что живого его давно уже нет, было бы иначе, весточку подал бы. В тот день, когда был съеден последний кабак, последний буряк, последний засохший сухарь и всё то, что можно было сварить и как-то хоть через силу съесть, она вдруг поняла, что это конец! Просить у кого-то она не могла. Таких людей она просто не знала, у кого можно было что-то попросить, и кто мог бы с ней чем-то поделиться. Несколько дней назад, она, переодевая младшего сына, обратила внимание на его ноги и низ живота. Отёчность была видна невооружённым глазом. Не имея достаточно еды, дети пили всё время воду. В ту минуту, когда она увидела результат на сыне, её будто прострелило – водянка! Она тут же раздела остальных

детей, осмотрев их, утвердилась в первоначальном выводе – дети стали опухать! Затем посмотрела на свои ноги: те тоже были отёчные. В тот вечер, когда она поняла, что покормить на ночь детей ей нечем и завтра она так же не сможет дать им что-нибудь из еды: она натопила в доме печь, нагрела воды и в корыте по очереди стала купать детей. Она мыла каждого, нежно гладила их худенькие тельца, плакала и прощалась с ними. Слёзы её капали в корыто: она мыла их своими слезами. В те прощальные минуты она знала уже, что сделает в ближайший час. Когда вымыла детей, уложила их в постель, пообещав, что завтра они уедут далеко к бабушке и дедушке, что ехать придётся долго, долго, но зато, когда они приедут туда, там будет много еды и бабушка их накормит до отвала. А сейчас надо ещё много потерпеть, – потому спите, – сказала она напоследок. Дети ещё долго не могли уснуть на голодный желудок, ворочались в кроватях, постанывали, она же села за стол, прикрутила фитиль керосиновой лампы, открутила крышку пузырька с чернилами, взяла ручку и принялась писать прощальное письмо. Написав, положила листок на середину стола и придавила сверху его соляной. Ещё какое-то время сидела в забытьи, казалось ещё не поздно, можно остановить задуманное. Вспомнила мужа, который предупреждал – на случай беды отправляться на Дон. Но тут же подумала, что там сейчас не до них после всего, что там было на том Дону: да и как она доберётся туда в такую даль с тремя детьми зимой. Вырвавшись из забытья, она встала и подошла к уже спящим детям, поочередно поцеловала каждого в головку, затем подошла к печи, открыла дверцу, заглянув в топку, убедилась, что жару много и оставила её открытой. Распрямилась и, взявшись рукой за задвижку на дымоходе, резко со всей силы, будто снаряд в ствол орудия загнала, задвинула шибер дымохода. Тут же обернулась и направилась к лавке, где стояло ведро с питьевой водой. На той же лавке лежала заранее приготовленная ею верёвка. Как бы мимоходом, не останавливаясь, правой рукой она сгребла с лавки верёвку, не глядя на саму верёвку, вышла в коридор и притворила плотно за собой дверь в саму хату, где праведным последним сном спали её маленькие детки.

Утром жившую напротив соседку забеспокоило то, что из трубы Екатерины не видно даже малейшего дымка, тем более что мороз стоит даже дышать трудно: она вспомнила, что вчера хоть и дым вроде шёл из трубы, но Катя ни разу так во дворе и не показалась. На душе у неё тут же появилось какое-то тревожное предчувствие, в это время она собралась идти по питьевую воду к дальнему колодцу: поставив пустые вёдра под своей ка-литкой, она перешла дорогу и вошла во двор Екатерины. По-дойдя к входу, дёрнула дверь, та сразу открылась, а в проходе висела сама хозяйка дома. Соседка тут же на пороге упала в об-морок. В это время по улице шёл мужчина, увидев на снегу воз-ле порога лежащую женщину, заскочил во двор. Ну, а далее со-бытия стали развиваться как обычно в таких подобных случаях, о кото-рых потом мало кто помнит в подробностях.

Могилу на самом краю кладбища на спуске в балку, всё-таки к утру вырыли. Не могила, а целый котлован. Копали, сменяя друг друга человек двадцать, а руководил всеми этими земля-ными работами как известный на всю деревню и в её округе землекоп – Виктор Алек-сеевич. Он лично сам за всё время лишь пару раз выпустил лопату из рук: восемнадцать часов подряд копал он, подгоняя других.

– Ну, Виктор, ты и бугай! – сказал один из напарников, – уже чуть ни сутки горбячишь и тебе хоть бы хны! Мы уже еле на но-гах держимся.

– Я бы ещё двое суток копал лишь бы они живы были, – ска-зал он в ответ, – хорошая у меня была соседка, а детишки со-всем как ангелочки, зачем только она это сделала, ну при-веди до меня хотя бы, нашёл бы, чем детей покормить! Народ на по-хороны стал собираться у двора Екатерины с раннего утра. В ха-те уже в гробах лежали покойники. За неимением священника у гробов сидели старушки-читалки, которые читали «Святое Писа-

ние», а в промежутках чтения пели церковные песни. Часам к десяти ко двору подогнали двое саней. Улица вся уже была за-полнена народом, который стоял, насупившись, и меж собой велись лишь короткие на полголоса разговоры. Сани загнали во двор: с причитани-ями, с церковным пением, которое исполняли старые женщины, стали выносить гробы из хаты и на каждые сани установили по два гроба. Среди собравшихся людей на улице и в самом дворе от начальства не было ни председателя сельского совета Долгова, ни уполномоченного Гнило-кишки, ни самого партийного и комсомольского актива. На то видимо, бы-ли свои чисто пар-тийные причины, а вероятней всего распоря-жение свыше. Народ, выстроившись с обеих сто-рон улицы, как в живом коридоре глазами провожал движущиеся по дороге са-ни, по мере их продвижения, все выходили на дорогу и шли следом. На кладбище не было ни речей, ни про-щальных воплей с паданьем на крышку гроба: стояла жуткая необычная для мно-гочисленной толпы тишина, которую нарушало лишь карканье воронья. В могилу опустили вначале мать, долго устанавливали гроб так, чтобы остальные поместились; потом поставили с од-ной сто-роны два маленьких гробика, а с другой один, который был побольше со старшим сыном. Когда зарыли могилу, холм получился большой и несуразный какой-то, явно не похожий на могиль-ный холмик и только один большой и три маленьких креста говорили о том, что это всё-таки могила. Народ стал бы-стро расходиться: поминок устраивать было не кому, да и не из чего. Впервые за всю историю села с первых дней его основания похоронили без поминок к тому же ещё и детишек! Каждый! Сейчас идущий селянин к себе домой стыдился самого себя! Каж-дому казалось, что в след ему с кладбища с упрёком смот-рят его родственники и далёкие предки! От этого стыда каждый боялся смотреть друг другу в глаза, потому и спешили домой, чтобы укрыться от такого позора! Тогда они ещё не знали, что в эту ещё только начинающуюся страшную зиму, им ещё много раз придётся прийти на это кладбище и схоронить здесь без време-

ни ушедших в мир иной своих близких родственников, соседей и друзей, которые умрут от голода. Любовь Филипповна воз-вращаясь в тот день с кладбища, скажет своей попутчице:

– Дожились, что людей стали хоронить как собак. Помянуть мать с детишками и то нечем.

В тот день незримые ворота на кладбище распахнулись полностью, приняв своих первых новых жильцов на вечное поселение. Будто предрекая ближайшее будущее, первая жертва оказалась весомой.

Любовь Филипповна последующие месяцы в душе будет мучиться совестью, что имея в подвале столько зерна, не смогла оказать помощь детишкам. Эта, придуманная ею самой вина, будет преследовать её до конца жизни. Может быть, именно это и толкнёт её на рискованный поступок в сорок втором, когда она, рискуя своей жизнью, будет прятать от немцев еврейскую семью – мать и двое её малолетних детишек.

Пройдут годы, минут страшные тридцатые за ними суровые сороковые, на смену придут годы пятидесятые. Подворье Игнатовских так и будет стоять заросшее бурьяном и молодыми побегами деревьев. Память о той случившейся трагедии будет прочно жить в деревне. Новому подросшему поколению будут во всех подробностях рассказывать о том страшном дне, и дети будут всегда со страхом проходить мимо этого двора, с годами почему-то называя подворье: «Хата бабы Кати». Может быть, в мыслях новых поколений ребятишек не мог уместиться образ, ещё совсем молодой и красивой женщины и с годами в их понятии она превратилась в бабу Катю.

За все десятилетия со двора и из самой хаты не пропало ни одной щепки. Окна и двери, ещё в тридцать третьем заколоченные крест – на крест, так и стояли, и только когда отгнивала и отваливалась какая-нибудь доска или косился и падал забор, чьи-то заботливые руки незаметно исправляли это. Кто это делал и когда, об этом не принято было говорить в селе. Сама хата, с раздёрганной ветрами камышовой крышей стояла, словно

символ печали в селе. Вопрос о ней возникал не один раз на уровне сельского совета, позже на уровне правления колхоза, но никогда до конца так никто и не решился взять на себя смелость и разобраться с этим подворьем. И вселяться туда даже под страхом смерти никого не заставить. Когда кому-то из членов правления поручалось разобраться с этой хатой, тот вставал и тут же заявлял: «Прошу исключить меня из членов правления колхоза...». Может быть, подсознательно, каждый житель села, чувствуя свою вину за жизнь тех маленьких детей, принял тот не озвученный уговор – «Подворье не трогать!» Со стороны за все эти годы никто и никогда этим случаем не интересовался, если не считать тот единственный не совсем для многих понятный, что произошёл в году, где-то пятьдесят четвёртом, спустя год после смерти Сталина. Однажды в конце мая, когда уже было довольно тепло, дороги просохли, вокруг всё зазеленело: в Глебовку прибыл один товарищ. Одет он был не по-деревенски, что сразу бросалось в глаза: на нём был костюм из дорогого материала, синяя сорочка и тёмный галстук; на одной руке накинут плащ в другой саквояж. Повстречавшегося на пути деревенского жителя Смирнова Григория спросил, где подворье Игнатовских. Отчего Григорий был, немало удивлён и решил проводить гостя до самого двора. Дорогой Григорий пытался выведать, кто он и зачем ему понадобилось то заброшенное подворье, но молодой мужчина шёл думая о чём-то своём и на вопросы не отвечал. Когда дошли до двора Екатерины Смирнов указал пальцем на хату, сказал, что вот её подворье всё в целостности и сохранности всем селом за этим приглядываем. Незнакомец поблагодарил и стал расспрашивать, как ему отсюда пройти на кладбище, где там Екатерина похоронена, и как её проще найти. Григорий указал рукой в сторону кладбища и сказал, что могилу её найти не трудно: она имеет самый большой холм, а кресты хоть и погнили, но остатки от них ещё видны; четверо их там – сказал он – и за могилкой кто-то ухаживает, по крайней мере, бурьяном и деревьями не заросшая. Незнакомец вновь поблагодарил, повер-

нулся, подойдя к калитке, снял петлю со столбика и пошёл внутрь двора. Григорий не стал стоять истуканом посреди улицы, а перешёл на другую сторону её, став за куст сирени стал наблюдать за приезжим издали. Незнакомец, войдя во двор, подошёл вплотную к дверям хаты и словно замер по стойке

«смирно». Григорий с волнением и стуком сердца наблюдал за всем этим, подумал: «Надо же, такой солидный господин и да- же не представился, слова лишнего не сказал. Кто же он та- кой?..». Тем временем он увидел, что тот нагнулся над саквоя- жем, открыл его и что-то оттуда достал. Затем, когда распря- мился вновь подошёл вплотную к двери. Стоял какое-то время, потом вдруг резко обернулся, взял в руки саквояж, сдёрнул с дерева свой плащ, кото- рый он ранее повесил туда и пошёл к калитке. Выйдя на дорогу, зашагал в сторону кладбища. Немно- го подождав пока посетитель подальше удалится, Григорий пе- решёл дорогу, вошёл во двор и направился к входу. На входной двери булавкой к гвоздю были прикреплены четыре крестика. Крестики висели на изящных тоненьких плетёных верёвочках, которые блестели своим разноцветьем, а сами крестики, пожа- луй, были золотыми. Один из них был больше другие три – од- ного размера. Григорий взял на ладонь крестики, какое-то вре- мя стоял, рас- сматривал их, затем глубоко вздохнув, опустил ру- ку, отчего они повисли как гроздь винограда и он направился к калитке. В деревне ещё долго обсуждали этот случай; уже на следующий день после визита незнакомца вдруг выяснилось, что он оставил не только крестики на двери, но и на могиле жи- вые цветы, а в подсвечниках, вдавленных в землю недогорев- шие четыре свечи. Спустя три года после того случая хата Екате- рины сгорела. В тот год лето было жаркое и засушливое и двор, поросший многолетним бурьяном, так или иначе, представлял опасность пожара. Причину случившегося так и не установили. Может случайный окурок кем-то бро- шенный, может быть, дети игрались с огнём. Сгорело всё подчистую: двор вместе с деревь- ями выгорел так, что лежал лишь пепел ровным ковром. Посреди

двора памятником торчала печная труба с торчащим на ней же- лезным шибером винов- ником трагедии детей и будто символом печали давно минувшего горя. Развалившиеся саман- ные стены в очередную зиму раскисли под дождями и превратились в обыч- ные земляные холмики. С исчезновением самой хаты: память о той трагедии стала забываться, а спустя деся- тилетия вовсе исчезла и только старожилы села ещё помнили об этом. Для самих жите- лей села смерть Екатерины и её детей сыграла немаловажную роль, потому что не случись этого: в ту страшную зиму в селе могло быть гораздо больше смертей. Они и так были: среди стари- ков, больных и малых детей, но зато выжило здоровое звено населе- ния, которых стали кор- мить два раза в день в созданных при кол- хозных бригадах столовых. Варили мучной суп, называемый в на- роде: «Затеркой», приготовленной на основе воды и муки.

Спустя два дня после похорон Кати и её детей в Глебовку при- был представитель от рай- кома партии. То ли инструктор райкома то ли какой-то заместитель секретаря райкома по идео- логической работе с населением, что скорей всего вероятней. И прибыл он именно по этому вопросу, который портил всю наглядную картину работы партийных властей – «Не дай бог, последуют подобные случаи, тогда, уж точно головы не сносить!..».

ГЛАВА 4

В здании Сельского совета в комнате для заседаний, которая в обычные дни являлась «Красным уголком» собралось сегодня всё активное общество более десятка человек, которые составляли костяк нынешней власти на селе. Комната была не такой уж большой, чтобы вместить до двадцати человек собравшихся. У всех собравшихся лица были хмурые: между собой разговаривали чуть не шёпотом, ждали начала заседания сельского совета в комплексе с руководством двух колхозов: «Красная армия» и «Пролетарий». Первым в комнату вошёл предста-

витель от райкома: за ним с бумагами в руках семеня ногами председатель совета Долгов и в хвосте брёл чургыкая по полу своими огромными валенками выше колен участковый Гнилокишко. Все быстро встали и стояли, пока не усядется на стулья начальство. Райкомовец открыл папку, достал из неё лист и без всяких предисловий начал свою речь:

– То, что у вас произошло, а это немаловажный факт и нам, так или иначе придётся доложить наверх, это является вопиющим случаем вашей бездарной руководящей работы. За всё случившееся кое с кого чуть позже мы ещё спросим: от партийного взыскания вряд ли кому придётся уйти, потому что вина лежит на вас. На вас повторяю! Кто такая Екатерина Игнатовская вы разве не знали? У вас под носом затаился ярый враг советской власти, а вы и пальцем не пошевелили! Где её муж – заклятый враг народа, спрашиваю вас?.. Не знаете! Зато органы ОГПУ знают! Он принял самое активное участие в контрреволюционном мятеже на Дону, где его и ухлопали наши бойцы Красной армии. Давно надо было изъять у неё детей, отправить их в детский дом, а её сдать работникам ГПУ... разве это не понятно?! А вы всё нянчились с ней! Игнатовская своим поступком, чтобы подорвать основы нашей Советской власти, пошла даже на то, чтобы умертвить своих детей и саму себя. В этом ярко просматривается её затаившаяся злоба на наш народный строй. Идеология коммунистической власти не зыблема! Такие затаившиеся враги как она пытаются подорвать её, ставя, не задумываясь, жизнь своих детей и свою тоже, чтобы достичь желаемого. В то время как коммунистическая партия во главе с нашим вождём товарищем Сталиным, с прогрессивной частью всего пролетариата идёт к трудовому подвигу и к передовым новым свершениям, претворяя в жизнь план индустриализации всей нашей великой страны советов, подобные элементы вставляют нам палки в колёса и пытаются нам в этом помешать. Нам предстоит, в ближайшие три-пять лет построить в стране сотни и тысячи фабрик, заводов, электростанций и других объектов прогресса, а также создать самую сильную армию в ми-

ре, такую, какой ещё не знал мир. Вы должны зорко следить за каждым подозрительным элементом, вовремя выявлять его и сообщать, кому следует. Ваше село Глебовка только с третьей попытки вошло в программу сплошной коллективизации, из этого райком делает соответствующие выводы, что население вашего села неблагонадёжное и присмотреться здесь надо повнимательней, потому, как конечные результаты говорят, что среди населения ещё много подобных Екатерине Игнатовской. Отсюда делайте выводы: кто не с нами, тот против нас! А противников, как вы знаете, партия уничтожает, что подтверждается последними событиями в борьбе с оппортунизмом и троцкизмом. Работать надо товарищи, работать и ещё раз работать! У меня всё. Прошу высказывать свои мнения и задавать вопросы. Какое-то время в комнате стояла гробовая тишина. Даже стулья не скрипели, а сидящие на них, казалось – мёртвые. Затянувшееся молчание нарушил Долгов, он поднялся со стула и сказал:

– Вначале я должен доложить сложившееся критическое положение на территории нашего сельского совета. Как будет расценен поступок Игнатовской – не мне решать, но за положение, которое сложилось в последнее время в селе – отвечать мне. Люди просто голодают, и к тому же сейчас только начало зимы: к концу её работать в обоих колхозах будет

не кому. Вес-ной же, которая подведёт черту под этим положением выехать в поле и произвести сев яровых будет просто не кому. Событие, которое взбудоражило всё село показало, что ситуация была критическая. Всё стояло на грани голодного бунта, и лишь одной провокационной искры было достаточно, чтобы народ стал крушить всё вокруг себя. К счастью этого на этот раз удалось избежать... – его прервал представитель райкома:

– Вот-вот! О чём я вам только что и говорил! Поступок Игнатовской заведомо был задуман для того чтобы взбунтовать народ. А бунта мы не боимся! Тому наглядный пример мятежа недобитых белогвардейцев на Дону, о котором вы осведомлены не хуже меня. Сибирь большая там все поместятся и так же надо

кому там работать. Ну, а особо активных элементов можно и подальше будет переселить! Продолжайте, товарищ Долгов.

– Так вот, – запнувшись, сказал Долгов, – без помощи района мы не выживем. Я уже подумал и предлагаю организовать в каждой бригаде колхозов общественные колхозные столовые. Будем хотя бы два раза в день кормить членов колхоза. Если бы район выделил нам муки... из муки можно готовить мучной суп, на большее мы не претендуем, зная, что вся страна в таком же бедственном положении.

– Вы правильно говорите, товарищ Долгов, что вся страна в бедственном положении и в особенности рабочий класс. Вы здесь в деревне хоть что-то можете найти себе в качестве пищи: рабочий – железо и уголь есть не будет. Но о просьбе вашей я доложу на бюро райкома партии, думаю, мы вам поможем. Со столовыми вы это хорошо придумали, я доложу в райкоме, думаю, мы применим этот метод и в других хозяйствах. И вот ещё что, этот вопрос у меня стоит отдельным пунктом. Это большой так сказать вопрос, ибо в некоторых хозяйствах с этим вопросом сложилось критическое положение, это, товарищи – поголовье скота. Неотлагательно, буквально с завтрашнего дня вы должны с представителем ГПУ пересчитать и внести в акты и ведомости наличие поголовья – каждую голову и включая последнюю овцу. За каждую голову скота будете нести персональную ответственность. Если случится падеж, будь то той же овцы, не говоря уже о крупнорогатых животных и лошадях, вы обязаны с представителем ГПУ, ну и соответственно с ветврачом составить акт падежа животного. Если по заключению ветврача животное пало не от ящура или сибирской язвы мясо можно будет употребить в тех же столовых. Всякое злоупотребление: будь то подлог и фальсификация будут рассматриваться как злостный вред советской власти, а виновные будут привлечены к строгой ответственности вплоть до расстрела. Всё понятно я изложил? – спросил он, после чего уставился в бумаги на столе.

– Весна не за горами, что сеять будем? Нет ни зернины, – спросил один из бригадиров.

– За семенной фонд не переживайте: семена получите весной, они уже лежат в Кущёвской на хлебной базе. Правда там есть одна особенность, о которой хочу заранее предупредить, чтобы потом не говорили, что не знали и колхозников своих поставьте в известность. Семена протравлены дустом, к весне зерно пропитается им так, что, даже помыв его, смерти избежать, не удастся. Преследовалось две цели: первая – это конечно, чтобы избежать повреждения зерна насекомыми и грызунами, ну и вторая – предотвратить хищение зерна во время сева, что, без сомнения имело бы место. Так что информируйте население. Кстати, товарищ Долгов... у вас есть списки колхозников, которые находятся в особо бедственном положении?

– Есть, конечно, я давно их составил.

– Зачтите список нам, пожалуйста.

– Зачитывать только членов колхозов или жителей всего села?

– Разумеется, членов коллективных хозяйств; единоличники и всякий остальной сброд, который не состоит в членах колхозников меня не интересует. Долгов порылся в своих бумагах, нашёл нужный список и стал читать. Прочитав более двух десятков фамилий, и видя, что тот не собирается останавливаться, райкомовец прервал его чтение:

– Вы что?.. Решили мне зачитать всех жителей села? – спро- сил он, – тогда назовите тех, кто не в бедственном положении.

– Таких списков у меня нет, таких семей я не знаю.

– Странно. Ну, а здесь сидящие, они в какую категорию, по вашему мнению, входят, в том числе и вы?

– Сидящий здесь руководящий состав и я с ними не относят- ся к тому списку, который я зачитал.

– Ну вот, хоть чем-то порадовали: актив целым останется, будет, кому руководить. Ладно, собрание считаю закрытым, обо всех ваших вопросах и просьбах райком подумает и вынесет решение, можно расходиться.

Виктор Алексеевич не являлся членом колхоза, хотя многие земляные работы в тех же колхозах приходилось выполнять по договору, за что колхоз обычно расплачивался зерном: будь то кукуруза, ячмень или горох. Пшеница в договор – никаким уго- вором не подлежала в счёт оплаты. Зима тридцать третьего года для него оказалась трудной как никогда. Обычно в зиму он зем- лянными работами не занимался, разве что иногда выкопает ко- му-то могилу, но в эту зиму уже в январе стали умирать люди. Умирили от недоедания в основном старики, больные и дети. Если вначале января копали могилы коллективно, то с каждым прожитым днём становилось всё трудней найти того, кто ещё имел силы держать лом и лопату в руках. Зима была суровая: земля промёрзла, чуть ли не до метра и верхний слой приходи- лось долбить ломом, а для этого нужны были силы. Наступит день, когда кроме него Виктора Алексеевича копать могилы бы- ло уже не кому. Имея вдоволь зерна, употребляя его запарен- ное в чугуне в пищу, он не потерял ни сил, ни энергии, что порой удивляло жителей села. Конечно, если бы не то зерно, Виктора Алексеевича надолго бы не хватило, он так же, в конце концов, стал бы немощен, как и другие. Уже в феврале приходили с просьбой выкопать могилу почти еже- дневно. Иные покойники оставались ждать своей очереди, по несколько дней находясь во дворе своего дома на морозе. За работу Виктор Алексеевич ничего не брал – копал бесплатно. Да и давать что-либо у людей просто не было. За то, чтобы выкопать могилу обычно платили про- довольствием, а где его взять, если все голодные и еле ноги таскают. Иной раз, когда покой- ник лежит в гробу, который уже день посреди двора, приходили и слёзно просили: предлагая золотой крестик, серёжки или кольцо, а то и маленький как но- готок золотой червонец времён далёких. Виктор Алексеевич, отводя в сторону руку с вещью просителя, говорил при этом:

– Что вы, бог с вами! Не надо мне ничего, зачем мне лиш- ний грех на душу брать, я и так выкопаю: вот отдохну немного, в ночь и пойду копать, ночью даже лучше никто не мешает, а днём постоянно людей хоронят и от работы отвлекают. Проси- тель долго благодарил, кланялся в пояс, задом пятясь к порогу и стоя уже на пороге, поворачивался лицом к иконам, крестился, а затем уходил. Странная вещь. Люди извлекли из заначек при- прятанное на чёр- ный день золото, но оно никому не было нуж- но. За него нельзя было купить еды, потому как еды – как тако- вой – просто ни у кого не было. Может быть по той причине, что село было расположено вдали от крупных населённых пунктов.

В конце февраля, в одной из бригад колхоза на ферме за ночь пропало сразу две коровы. Утром тут же прибыли трое представителей ГПУ, которые пристально оглядев вна- чале от пяток до макушки каждого встречного работника фермы, выис- кивая в его облике и поведении признаки совершённого пре- ступления, после чего сели на сани и отправились прочёсывать округу. Во второй половине дня они вновь явились на ту же ферму, но уже с ули- ками преступления – выходит, что даром время не потратили. В саних лежали те самые улики: две коро- выи головы, два хвоста и четыре пары копыт; всё как и полагает- ся – в наличии, правда, шкур преступники почему-то не остави- ли, видимо торопились очень. Требуха тоже была в наличии, как и положено, от двоих рогатых – сани жалко было пачкать, пото- му требуху на месте оставили. Народ, тут же краем уха услышав, где лежит бесхозная требуха, устремился

в те края, правда, бе- жать по снегу пришлось не близко: в то самое заросшее буре- ломом быв- шее поместье за Цун-Цуном. Опасаться, что собаки растянут, не стоило, ибо собак уже почти не было. Те, которые были сильней, и здоровей съели вначале своих собратьев – шавок всяких, а следом за ними и их участь пришла – здоровых люди съели. Как потом рассказывали: след от места, где разделялись с тушами коров дошёл до самой Гуляй-Борисовки, где и затерялся. После этого случая, количество сторожей на фермах увеличили и выдали сторожам берданки, а к ним патроны, разрешив письмен- но стрелять на поражение. После этого коровы пропадать пере- стали. Как ни тяжела была зима для жителей, но процент умерших

от голода был не столь велик, как могло бы быть, не организовав вовремя общественные столовые при колхозах. Хоть и затерка- баланда, но большинству населения не дала помереть голодной смертью. Благо весна в том году была ранняя: в конце апреля по всем балкам и пусты- рям ходили взрослые и дети, выискивая сре- ди растительности то, что годилось в пищу. Глав- ная беда была по- зади, теперь все знали, что они выжили.

В один ясный, тёплый апрельский день, когда земля уже подсохла, а кругом зеленела трава и деревья, что никогда так не радовало людей, Любовь Филипповна решила сходить в поме- стье и со стороны посмотреть на то место, где было когда-то спрятано зерно. Её вол- новало то, что зять забирал последнее зерно, когда были снегопады и мог плохо скрыть следы схрона. Взяла в руки плетёную корзину и пошла вдоль берега реки, по пути нагибаясь и срывая листья, которые годились в пригото- влении того же супа. Незаметно она дошла до зарослей. Быстро нашла знакомую тропинку и по ней вышла к месту, где был ра- нее схрон. Не доходя, со стороны поглядела через кустарник на то место, оставшись довольной, потому как зять сде- лал всё как надо. Место было завалено камышом и прелыми досками, сверху лежал раскисший саман, и всё это было завалено ветвя- ми. Догадаться, что здесь что-то было, вряд ли кому придёт в голову, решила она, и пошла обратной дорогой. Выйдя вновь на берег решила взгля- нуть на другое захоронение, где лежало оружие того казака. Немного прошла между усадьбой и бере- гом реки, вскоре пришла к тому месту, которое она запомнила с точностью до метра. Место располагалось на возвышенности бе- рега, а само захоронение было закопано глубоко в землю. Жирно смазанное колёсной мазью – тавотом, обёрнутое в парусину оружие лежало в целостности и сохранности, в чём она и не сомнева- лась. Осмотрев захоронение, выбрав место, где посуше уселась на косогор лицом к реке и задумалась. За повседневными забо- тами, осо- бенно если это в молодости, человек редко задумыва- ется сам о себе, но с годами картина совсем меняется – думать о

себе начинает он всё чаще и не только в часы одиночества и пе- чали. Солнце ласково припекало спину, за которой находилось спрятанное оружие, и о котором она только что поду- мала как о чём-то судьбоносном без чего нельзя никак обойтись.

«Вот и не понадобилось оно тому казачку Василию, – почти вслух сказала она и углуби- лась в воспоминания, – да, скорее всего его и живого уже нет. Будет лежать тут годы, десяти- летия, может быть вечность. В нём – в том оружии, видимо, как и у людей, своя судьба: одно – постоянно кого-то убивает, порой переходя из рук в руки, другое – как это всю жизнь лежит зары- тым в земле. И моя судьба в чем-то похожа на то оружие, кото- рое тут спрятала: живу все эти годы будто в землю закопанная. В этом году мне сорок семь. Много это или мало? Если по жизни – так целая вечность, если в душе – так и не жила будто вовсе. Сыну вот семнадцать; через два года в новобранцы заберут – нелёгкая видно судьба, как и мне, ему достанется, всей кожей это чувствую, хотя и грех плохое предрекать. Сейчас он немного ещё моложе, чем отец его Сашка, когда он ухаживать за мной стал. Бравый был хоть куда! Сын не пошёл в него, мягкотелый какой-то. Трудно ему в жизни будет. Бог ты мой! А мне то – лишь шестнадцать тогда было! Даже не верится, как быстро всё пролетело! То время... – время счастья!.. я нико- гда, кажется, больше не была такой счастливой как тогда особенно в тот день, когда ездили в Кущёвскую на торжества по случаю коронации царя. Как тогда было весело. Какой у Сашки

красивый экипаж был, впряженный тройкой вороных жеребцов: бешенные какие кони, думала, угробят где-то дорогой. Благо кучер опытный, с ветерком домчал до станицы, оглянуться не успели. Приехали: а на весь парк по кругу – столы накрытые, и народу у станичного правления тьма, но на нас сразу все внимание обратили, а может больше на коней наших? Нет... – на меня казаки глаза уставили, куда не пойду, везде сопровождают взглядом. Даже Санька заметил, сказал тогда: «Смотри, чтобы не спёрли тут тебя, видишь, как белмы выкатили?.. Пойдём лучше друга моего заберём Лу-

бенца, вон с атаманом по аллее расхаживает...». Когда подошли к ним, атаман, поздоровавшись с молодой парой, тут же удалился, а они остались втроём. Медленно пошли по аллее в сторону берега реки. Хлопцы разговаривали о лошадях, о рубке лозы шашками: она их не слушала, а наслаждалась радостным чувством праздника. Разве могла она тогда предположить, что пройдёт не так уж много лет и подобное мероприятие окажется последним в истории России, как и последний император Российский. И Сашкин друг став станичным атаманом тоже окажется последним атаманом в станице, а сам Сашка будет в её жизни не только первым мужчиной, но и последним. Всё будет последним!..

В тот вечер играл духовой оркестр. Она не имеет конкурентов в танцах. Один вальс следует за другим, а к ней подходят по двое-трое, приглашая на танец. Сашка даже злиться стал. Улучив минутку, прижавшись к нему, она на ухо ему сказала: «Ну, не хмурься ты! Разве могу я на кого-то променять тебя. Таких, как ты для меня на свете нет более!..».

Оркестр сменили баянисты. Лихие казаки, крутя шашками над головами, исполняли поистине цирковые номера, от которых дух захватывало. В ту ночь Сашка её вёл под руку, потому как она так наплясалась, что еле ноги переставляла. Идти, благо, было недалеко, каких-то двести метров от станичного правления до дома его тётки. Боже мой!.. Только теперь я поняла, как всё – таки мы тогда хорошо жили до этих всяких революций и коллективизаций. Неужели это будет продолжаться вечно? Нет, скорее всего, нет! Ибо зло всегда пожирает самое себя! Так в старину ещё говорили...».

Поднялась на ноги, отряхнула юбку сзади, глубоко вздохнула и пошла вдоль берега реки в сторону деревни. Придя домой, под впечатлением прошлых воспоминаний и испорченного настроения, решила заодно уже поговорить и с сыном о неприятном будущем его. Саша сидел за столом и листал книгу.

– Сынок, всё хочу спросить тебя, почему ты до сих пор не вступил в комсомол?

– Не принимают, мама, два раза уже писал заявление, последний раз посоветовали – больше не делать этого, сказали, что – таким как я не место в комсомоле. Когда я спросил, почему? на мой вопрос был задан их вопрос, – скажи, кто был твой отец? Если, говорят, не знаешь, можем пояснить, – он был белобандитом. Так что забудем об этом, как-нибудь и без комсомола проживу.

– Но без комсомола тебе ведь не поступить, ни в одно учебное заведение. Что ты на это скажешь?

– Мне это, мама, не очень и нужно, хотя знания и специальность не помешали бы в жизни, учусь то я на оценки – хорошо и отлично. В колхоз работать пойду, туда и без комсомола возьмут, а там армия, может, и не вернусь обратно, уеду куда-нибудь. Страна большая: сколько строек, заводов, фабрик всяких. Мама, скажи, ты тоже считаешь, что отец был белобандитом?

– Нет, сынок, я так не считаю, и никогда так не считала и тебе на будущее нарекаю так не считать. Бандит – это тот, кто грабит слабых и беззащитных людей. Бандит не пойдёт туда, где получит достойный отпор. Твой отец давал присягу царю и Отечеству. Он четыре года защищал наше Отечество на германском фронте. Имел два георгиевских креста за доблестную службу и звание хорунжего. Какой же он бандит? Это, скорее всего нынешняя власть бандитская. Вначале они кровавым путём захватили власть, а теперь народ свой уничтожают.

Это чисто бандитский метод. Вон за зиму, сколько народу только в нашей деревне вымерло, а по всей стране? Кто может подсчитать? Вот, что я тебе скажу, Саша. Когда-то, ещё в девятнадцатом году я говорила это, что и тебе сейчас хочу сказать, но только тогда твоему отцу, но он тогда меня не послушал, потому и голову сложил. Так вот... скажу тебе на будущее. Какая бы несправедная и даже незаконная власть не была, она всё равно власть и уже пятнадцать лет держится, а значит, и далее будет держаться. Не вечна, конечно, она, ничего вечного не бывает, но против неё идти нельзя: потому как, не сделав ничего только

себя загубишь. Если бы можно было эту власть уничтожить, я бы сама тебе вложила в руки оружие. Но это невозможно. Так, зачем губить себя? Надо сжиться с ней, притереться, накопец, стерпеть. Ты молод, у тебя ещё жизнь впереди. Через два года тебя заберут в армию, постарайся служить хорошо, а по возможности и остаться там дальше служить. Там, дай Бог, может и в их комсомол тебя примут. Заводы и стройки, сынок,

– ноша тяжёлая, а то ты будешь государев человек, как говорили раньше, гляди ещё и выучишься. А сюда... – ты прав возвращаться не стоит, они всегда будут попрекать тебя твоим отцом, а представится случай, не задумываясь, к стенке поставят в этом они мастера. Мне без тебя трудно будет, но за меня не переживай, я вытерплю не такое терпела, главное чтобы у тебя жизнь сложилась. Вон у меня уже две внучки растут, дай Бог ещё может и внук будет, не пропаду.

– Мама, а как отец погиб?

– Этого никто не знает, а если кто и знает, то я таких людей не знаю. Да и кто может знать, если они там все полегли. Как горько, сынок, что мне даже к нему на могилу некуда сходить, потому как, не существует её. Ну, хватит об этом и так душа разрывается. Давай я тебя покормлю, а потом к Бережным мне надо сходить. Ты не хочешь со мной сходить к дедушке и бабушке?

– Нет, мама, иди сама, мне надо ещё сочинение дописать.

– Ну, как знаешь, тебе виднее. Отложи свою книжку в сторону, сходи к умывальнику помой руки и иди за стол.

Через час Любовь Филипповна уже шла через площадь к родителям. Она всегда с большой радостью посещала родительский дом. Здесь она родилась и выросла, здесь прошла её юность и посетила первая и последняя любовь. Каждый раз, приходя в родное гнездо, она становилась весёлая, остряла шутками, на неё находила какая-то эйфория шалости и беззаботности. Вот и сейчас, ещё не дошла до двора, а настроение уже изменилось: на душе веселее стало, печальные мысли о сыне куда-то улетучились, входя в калитку, даже сама себе

улыбнулась. Вошла в дом, в пояс поклонилась, стоя на пороге и улыбаясь, громко сказала на польском языке:

– Добжий дзень, панове, матка бозка вим в помочи!

– Любка, ну ты всегда что-нибудь да придумаешь, без этого ты никак не можешь, – сказал отец вместо приветствия, – давно хочу тебя спросить, где ты научилась говорить по-польски?.. У нас в роду, вроде бы как поляков не было, на сколько, я помню. Дочь разделась, прошла к столу, сев на стул, она сказала:

– Папа, у вас, наверное, память плохая стала. Вы что не помните как в девятом и десятом году у нас на усадьбе жили поляки? Помните Янека и Марысю, или забыли уже?.. Янек у нас был агрономом, помните, какую он картошку нам вырастил? В деревне такой картошки отродясь не видали, ещё прибежали все посмотреть и на семена просили. Вот в те времена я и научилась немного по-ихнему пшекать. Да что там сложного – те же что и у нас слова только чуть звучат по-другому.

– Вот теперь хорошо их вспомнил, дай им Бог здоровья, если ещё живы, – сказал отец. Сейчас Любовь Филипповна разговаривала с отцом на украинском языке: дома с сыном она

всегда за- ставляла его говорить с ней только на русском и советовала совсем забыть украинский язык: «Легче жить будет...» – говорила она ему.

– Янек с Марысей ещё в одиннадцатом году уехали в свою Польшу сразу после того, как в Киеве Столыпина убили. Они же, папа, были революционеры, только не такие как наши – эти бо- ролись за свободу Польши, а это дело праведное. Нас с Сашкой в гости приглашали, под Краковом местечко. Где они живут? – забыла, как название у меня где-то дома записано, вот правда живы ли?.. а может, уже и нет их на свете, сколько лет то про- шло. Красивая пара была! Как сейчас стоят у меня перед глаза- ми. Марыська – чертяка до того красивая как куколка была. Знаете, что она мне рассказывала? Что она каким-то, я так и не поняла, корнем родня королевской династии Пястов. Не тех ко- ролей, что последние полтора ста лет правили, а тех, что ещё ве- ликую Польшу основали. Потом, с годами всё перемешалось, но

она говорила, что её династия всегда выступала за крепкую дружбу с Россией против немецкого засилья. Хорошие люди были: когда уезжали, она так горько плакала, будто с близкой роднёй расставалась... До позднего вечера сидела Любовь Фи- липповна с отцом обсуждая деревенские новости: пили чай за- варенный на молодых веточках вишняка немного подсла- щен- ный мёдом, а когда уже шла домой про себя подумала: «Надо же, какой сегодня необыч- ный и долгий день выдался...».

ГЛАВА 5

В памяти жителей деревни ещё долго жила та страшная зима, которую многие не знали, как и пережили. Для семьи Виктора Алексеевича помнился долго случай той зимы, который произошёл в одну из особо холодных ночей. Однажды ночью, когда за окнами трещал лютый мороз, и завывала метель, в их дворе послышался храп лошадей, а следом скрип полозьев. Выглянули в одно окно, во второе – ни зги не видать. На задний двор окон не было, оттуда примыкал к хате сарай, потому посмотреть, что и кто там возможности не было, но пройти в сарай из хаты возможность была, так как они были смежные. Виктор Алексеевич вошёл в сарай и стал прислушиваться: слышно было, что по двору кто-то ходит, снег скрепит под ногами, но в дом не просится. Выходить во двор побоялись: времена голодные и неспокойные. Так до утра и не уснули – всё прислушивались к лошадиному храпу да к шагам по двору. Утром, когда рассвело, выйдя во двор, не обнаружили ни лошадей, ни самих сеней только местами, где не замело метелью, были видны следы пребывания непрошенных гостей. Пройдя по двору к растущей в глубине двора роскошной алыче, он обнаружил там конский помёт и объединённые ветви на дереве, уже возвращаясь назад, увидел припорошенный снегом кусок материи. Он поднял её, отряхнул от снега и стал разглядывать – материя была пропитана явно кро-

вью. Когда к ним пришла Любовь Филипповна и выслушала рассказ о беспокойной ночи, она тут же сказала: «Никак опять гости с Дона были... они, словно на нюх чуют, в какой двор безопаснее всего заворачивать». Этот случай, хотя и не имел никаких последствий, навёл на размышления, но, в конечном счёте, остался тайной. На носу было уже лето, работы было невпроворот и только уже вечером, когда солнце закатилось за горизонт, можно было спокойно сесть на завалинку под хатой и выкурить подряд несколько самокруток, что часто и делал Виктор Алексеевич. Сейчас он сидел недалеко от входа дымил свою сигарку, а вышедшая за порог жена недовольно сказала:

– Прокурил уже не только хату, а и двор весь шёл бы вон за калитку курить, мало, что повешено кругом этого табака во всей хате, так и во дворе от него спасу нет.

Виктор Алексеевич табак выращивал сам, занимаясь этим делом скрупулёзно со знанием дела. Табак у него был разных сортов, которые лишь он один мог отличать по каким-то особым признакам. Когда народ жил в селе побогаче табак селянам давал в обмен на что-то или за деньги продавал, когда наступили тяжкие времена табак стал давать так – бесплатно, правда, не всем, а лишь тем, кого уважал. В осень у него всегда были повешены в сарае и коридоре к потолочным балкам охапки табака; жена в след ему насушивала разных трав и тоже развешивала, где только можно. Из-за этого у них иногда происходил скандал. Жене вовсе не нравилось соседство табака с её травами из-за специфического его запаха. Но смесь того и другого делала запах неповторимым. Многие, приходя к ним в гости, каждый раз говорили: «Как у вас хорошо пахнет, лучше – чем на сеновале и где вы только такие травы берёте?..».

В калитку вошла старушка, направляясь к двери дойдя до сидящего на завалинке Виктора Алексеевича, повернулась к нему лицом, поклонилась в пояс и сказала:

– Доброго вам здравия, Виктор Алексеевич.

– Спасибо, бабушка, и вам того же – здравия и чтобы не болели. Только – отчего это вы мне кланяетесь и по имени отчеству называете? Я же не церковный батюшка, чтобы мне кланялись и по возрасту ещё рановато меня называть старшим людям по имени отчеству.

– Так хйба в тим дило, сынок, молодой ты, чи старый, дило в тим, як тэбэ людэ прынимають. Ты, сынок, зробыв в ту страшну зиму стикэ для людэй, шо пэрэд тобою нэ грэх и на колины стати. Дай тэби Бог здорывя! Скико людэй схороныв. Хтоб их хороныв, як бы нэ ты, людэ нэгожи буллы могылы копаты, а ты копав и нычого за цэ нэ брав, як тут нэ поклонься. Луша до ма? – спросила она, как бы подводя итог разговору.

– Дома, дома заходите в хату, там она, – сказал в ответ хозяин. Действительно, последнее время Виктор Алексеевич уже не раз стал замечать, что жители деревни стали относиться к нему как-то иначе, не так как раньше. И кланялась старушка, не первой другие при встрече поклон отбивали, даже головной убор некоторые снимали. Каждый раз, в таких случаях ему было как-то неловко, вроде бы незаслуженно всё это думал он: «Ну, копал, что из этого? была бы пшеница у других, чтобы силы поддерживать, и они бы копали, нет тут никакой моей заслуги. Вот и сейчас, такая пожилая старушка, а раскланивалась перед ним, словно он святой какой. Даже неудобно!..». От этих мыслей у него даже настроение испортилось, поднявшись с завалинки, решил, чтобы вновь не сталкиваться с надоедливой старухой сходить лучше к теще, потому как ещё утром жена посылала сходить к ней и что-то там отремонтировать. От их двора до дома Любовь Филипповны имелось два пути, и оба прерывала глубокая балка, отрезавшая значительный кусок восточной части села от остальной деревни. Один путь шёл по прямой дороге, идущей из Гуляй-Борисовки в центр села, которая спускалась в ту же самую балку имея к тому же в том месте большую глубину. Во времена распутицы или снежной зимы преодолеть её было не просто из-за крутых её спусков и подъёмов. Второй путь

пролегал на ту сторону по нижней улице, который также пересекала балка и уже у самой реки она была пологой, по краям её на возвышенности прилепились хатёнки, а низина представляла сплошные заросли деревьев и кустарников, где летом в обилии жили ёжики и змеи, которыми эти самые ёжики и питались. В деревне ходило много всяких легенд, сказок и страшилок об этой балке, начиная от оборотней и ведьм до разбойников и насильников. Собравшись идти к теще, Виктор Алексеевич взял с собой и дочь Наденьку. В этом году ей уже шёл шестой год, а значит пришло время, когда о ней можно уже что-либо рассказать, потому как, ведь именно она является главной героиней дальнейшего нашего рассказа, а мы столь долго не упомянули о ней ни слова. Девочка росла здоровой и болячки, которым тогда были подвержены дети обходили её стороной. Энергии у неё было хоть отбавляй; с утра до вечера носилась по двору, разговорами досаждала взрослым и всё время стремилась куда-нибудь, но сбежать подальше от двора. Самым любимым местом для Нади было это пойти к реке или в гости к бабушке. Придя туда, она могла упросить даже мёртвого как говорят, чтобы её оставили с ночёвкой, но главное, что там был Саша – дядя её, с которым она ходила на речку и ловила на удочки рыбу, а у берега руками раков, правда самих раков из нор вылавливал Саша и выбрасывал их на берег. Надя, подбежав, аккуратно двумя пальчиками брала рака за шейку, при этом руку отводила в сторону, подбегала к ведру и кидала туда клещеного, как она их называла. Своими постоянными вопросами Сашу она порой доводила до хохота: «Почему рыба такая глупая, что цепляется за острый крючок? – говорила она. – Зачем раку такие большие клещи, если он на них так медленно ползает?». Саша не успевал ответить на один вопрос, как, не дождавшись ответа, Надя задавала следующий. За последнее время Надя так привязалась к нему, что теперь уже говорила: «Пойдём к Саше» – за бабушку она как бы забывала. Зимой приходилось сидеть больше дома, выглядывая в окно и разглядывая курей во главе боевого петуха. В слякоть и по глубокому снегу с собой брать её никто не желал, отчего она на всех обижалась и грозилась родителям:

«Вот подрасту, совсем уйду от вас, потому что – вы люди плохие». Приходила весна и у Нади обиды улетучивались вместе с плохой погодой. Один раз, решившись без разрешения, отправиться в гости к бабушке самостоятельно и проделав этот вояж, со временем это вошло в норму. Теперь она не ждала, когда её поведут в гости. Иногда от самой калитки кричала матери, что уходит к Саше; не дожидаясь согласия, тут же исчезала из глаз. Задрав кверху голову, неслась по короткому пути возле речки. Не добежав двадцать шагов до самой балки, вначале подбегала к заводу у моста, бросала в воду десяток камешков и в это же самое время, периодами с испугом в глазах поглядывала на тёмное пятно: на огромную дырку в зарослях, которое предстояло ей проскочить. Наконец, набиралась храбрости и, сорвавшись с места,

бежала через балку, стараясь быстрее про-скочить заросли деревьев, потому как то место даже для взрослых было каким-то пугающим. В том месте дорога сужалась, ныряла в туннель зарослей, где стоял сумрак, сырость и зловещая тишина. Прибегала, запыхавшись во двор Любовь Филипповны, и далее уже хвостиком следовала по стопам своего юного дяди, а если его не было дома, выходила за калитку, усаживалась на лавочку и терпеливо ждала его. Бабушка подходила к внучке уговаривала её пойти в дом, на что та ей отвечала:

– Нет, бабушка, я Саню жду. – Любовь Филипповна при этом, облокотившись на калитку, говорила: «Ну что же, будем ждать вместе».

Последнее время Надя стала бегать с длинной гибкой лозинкой, выломанной из бузины и очищенной от листьев. Когда её спрашивали: «Зачем ты такую длинную лозину таскаешь за собой, уж не на рыбалку ты собралась?» – Она бойко отвечала:

«Нет, не на рыбалку, рыбу Саня наловит, палкой я собак отгоняю. Когда я бегу по улице они гонятся за мной. Они гавкают и злые, а палки моей они боятся». Ещё тогда, она как бы предчув-

ствовала беду, которая случится с ней буквально через год. Было ей тогда уже семь лет: ходила она уже без лозины и собаки, вроде бы не гонялись за ней, лишь изредка тявкали во дворах. В тот день, беды казалось, ничто не предвещало: был тихий тёплый день, улицы села безлюдны по причине полевых работ, а Надя весело шагала по проторенной дороге, направляясь к бабушке. Вдруг с одного из дворов выскочил огромный пёс. Скорее всего, до этого дня, эта злая псина всегда сидела на добротной цепи, потому как ранее Надя ни разу в глаза её не видела. Когда она увидела несущегося прямо на неё пса, она от страха даже не смогла закричать, видимо перехватило дыхание. Резко обернувшись, она побежала вдоль по дороге; вполне понятно, что убежать от собаки не сможет даже взрослый человек, не говоря уже о ребёнке. То, что она побежала, спасло её от неминуемой смерти, потому как, если бы собака прыгнула на неё спереди, скорее всего она тут же её бы загрызла. Догоняя ребёнка, собака прыгнула ей на спину при этом, ударив лапами, повалила на землю. Надя падая, обхватила руками голову и лезла, уткнувшись лицом в землю, в то время как пёс рвал её спину, плечи и руки. В такой позе, но уже без сознания её и отбьют у собаки прибежавшие люди. Ребёнок в тот момент представлял ужасный вид. Взорам представало изорванное тело девочки: всё в крови, куски ткани от платья вперемешку с кусками человеческой кожи. Впервые минуты, когда отогнали собаку, собравшиеся люди подумали, что медицинская помощь уже бесполезна, девочка не подавала никаких признаков жизни. Но если бы было так, то некому было писать эти строки. Одна из нагнувшихся над телом ребёнка женщина, послушав сердечко девочки, сказала, что надо срочно вызвать врача – девочка жива. Прибывший врач, первым делом забинтовал те места, откуда обильно шла кровь, тут же нашли транспорт, что бы отвезти в Кущёвскую. Уже в районной больнице в операционной, стоя над девочкой медики сами были в шоке и мало надеялись, что смогут вытащить её с того света, потому как представшая их

глазам картина была ужасающая. Наде не суждено было тогда умереть; её крепкий организм справился: и с большой потерей крови и с многочисленными рваными ранами. Природа будто в отместку за предыдущие безболезненные годы раннего детства приковала её надолго к больничной постели. В осень она уже ходила по двору своего дома, пыталась помогать матери убирать огород, но в одиночку по деревне теперь не ходила. С того дня у неё появилась устойчивая боязнь собак – всех без исключения. Виктору Алексеевичу пришлось избавиться и от своей дворняги. Собачка была добрая и ласковая к Наде старалась подбежать, виляя хвостом, но та обходила собаку стороной, а потом сказала отцу: «Я и её боюсь, не нужна она!».

Виктор Алексеевич недолго думал, выдернул шкворень из земли и вместе с цепью повёл своего «шарика» вдоль по деревне, надеясь кому-нибудь наделить собачку. С тех пор, на подворье у них собак никогда не будет, а их место займут коты и кошки: дородные, умные, ленивые и вороватые. Последующий год девочку возили по бабкам, пытаясь вылечить испуг;

это ли по- могло или сам организм и возраст, справился с недугом, утвер- ждать не будем, но с годами этот случай остался в памяти у На- ди, как обычная неприятная история.

ГЛАВА 6

Этот трагический случай с дочерью подействовал на мать особо впечатляюще: тот страх, что она чуть было, не потеряла свою дочь, впитался в её душу теперь надолго. Матери всегда переживают более трагично за своих детей, чем отцы, потому как дети – это частица её самой. Лукерья Александровна с того дня стала более религиозной поистине верующей в Бога женщиной. От неё не услышишь скверного слова, знала все праздники церковного календаря и соблюдала их с точностью, как это и предписывалось религией, требуя этого и от членов семьи. Сама судь-

ба, сделав её почти не зрячей с грудного возраста, толкала в лоно религии. Религия, – кричали на всех углах большевики, – это мракобесие! Но для многих, а возможно и для большинства она эта религия оставалась единственной отдушиной, в которой человек мог как-то выразить себя: излить всю ту горечь и томление, отчаянье, что скопилась на душе, обрести надежду на будущее, наконец, чтобы остаться в дальнейшем просто человеком. Свою ущербность в этом мире Лукерья Александровна старалась сгладить самой религией; с её непокладистым характером, в то же время умственными способностями в душе у неё всегда возникал протест с тем, что происходило вокруг. Молитвы к Богу, общение с другими верующими лишь это не ожесточало её против неправедного сущего мира, который принесла новая власть. Всё больше приходило к ней людей: старушек, женщин зрелого возраста, молодых вдов обиженных жизнью и самой властью. Вечерами, а по церковным праздникам и днём к ней в хату собирались те, которые были далеки от новых веяний большевизма, коммунизма, троцкизма и прочей дребедени, которой пичкали народ. Сбравшись, пели церковные песни, читали святые книги: «Евангелие – Старый и Новый Завет». Разбирали прочитанный отрывок, пытаясь проникнуть в суть текста. Читали при свечах, лишь иногда зажигая керосиновую лампу, которая давала чуть больше света, но была зачастую не по карману; керосин стоил денег, да его порой было и не достать. В святом углу: от пола до потолка висели иконы, перед ними на цепочках висели три лампы: в центре большая лампа, а по бокам маленькие. Мерцающие огоньки лампад, освещая лики святых на иконах, создавали в тёмной комнате зримое видение: иконы словно оживали. Появлялись необычные цветовые гаммы, вокруг головы святых угодников светились нимфы и чем дольше смотрел человек на иконы, тем больше они оживали в его глазах. Порой это было так ярко выражено, так реалистически всё оживало, что присутствующие входили в религиозный испуг, становились на колени, молились и искренне верили в то, что Бог их услышал. Когда было особенно

морозно, в печи горели дрова, в более тёплые дни тлел кизяк; в хате было тепло и уютно, а воскуренный кусочек ладана создавал иллюзию той церкви, куда они раньше ходили, а теперь с её стен сделали свинарник и коровник в колхозе. С того времени, как вначале закрыли, а после совсем разобрали церковь, народ будто осиротел, это как у малых детей отнять родителей. Перед тем как сломать церковь, власти унесли и увезли из церкви всё, что представляло хоть какую-то ценность. Реквизировали от колоколов до медных подсвечников, и лишь благо иконы и книги удалось разнести по домам жителей села. Иконы и то, что удалось сохранить из церковной утвари, вновь народ принесёт во вновь открывшуюся церковь, которую откроют в одном из домов, хозяев которых выслали в Сибирь как врагов советской власти. Во время войны Сталин сделает отступление от Ленинской политики

– изжить со свету старую религию, ибо она явно мешает возродиться новой – и разрешит открывать церкви там, где они ранее были. Из лагерей и тюрем из тех же Соловецких островов будут выпущены многие, но не все священнослужители, как низкого ранга, так и высокого. На местах если и станут претворять в жизнь это указание вождя, то с зубным скрежетом. Но это будет ещё не скоро, до тех времён многим просто не дожить, потому как, за окном был

тридцать шестой год – последний год перед началом великих репрессий; колоду карт требовалось заново перетасовать, а затёртые карты заменить новыми. Старая русская пословица говорит: «Помяни в недобрый час нечистого – он тут же на порог явится!».

Как-то ранним утром, когда и во дворе то ещё никто не успел побывать, в дверь кто-то постучал. И стук был какой-то необычный явно, что не костяшками пальцев, а чем-то тяжёлым будто молотком. Лукерья Александровна в беспокойстве подбежала к окну и стала через пелену своих незрячих глаз вглядываться в пространство своего двора. Ей удалось разглядеть, что у их забора рядом с калиткой стоит привязанная к столбу лошадь под седлом, а человека, который стучал в дверь, увидеть она не могла:

вход в хату из окна не просматривался. Она быстро вышла в коридор и, не задавая вопросов, откинула засов на двери. На пороге стоял человек в форме затянутой ремнями: на боку висела кобура с наганом, в руках плетёная, накрученная на массивную короткую рукоятку, которой он вероятно и стучал в дверь. От такой неожиданности да ещё от такого гостя – чтоб таких гостей и на том свете не встречать – Лукерья Александровна вначале растерялась, оторопела и даже не находила подходящего нужного слова, чтобы задать какой-либо вопрос. Пришелец вначале, молча, и пристально рассматривал хозяйку, затем с размаху, хлопнул по своему голенищу сапога рукоятку плетёнки и каким-то внутренним пропитым и прокуранным голосом грубо сказал:

– Чего уставилась... – хозяйкой ты будешь?! Вводи в свою молельню, разговор есть!

Громкий разговор в коридоре разбудил Виктора Алексеевича и Надю. Вскочив с кровати, они стали натягивать на себя одежду. Виктор Алексеевич, увидев вошедшего представителя власти, на лице не изменился и вёл себя вполне спокойно. В отличие от отца девочка явно была напугана незванным гостем. Наде шёл девятый год, но она уже имела хорошее представление о подобных людях в форме и с оружием. В те вечера, когда в их хате собирались верующие: она всегда слушала их разговоры, вникала в содержание прочитанных вслух редких писем от родственников из далёкой Сибири. Часто слушала страшные рассказы о массовых расстрелах казаков на Кубани в двадцатом году, которым вначале пообещав домой отпустить, в конечном счёте, подлю обманули: подержав как военнопленных, потом скопом в десятки тысяч в расход пустили. Мать предложила гостю табуретку, выставив её на середину комнаты, на что тот ответил, что рассиживаться ему некогда и, продолжая стоять у порога, рукоятку плетёнки хлопал себе по ладони. Окинув взглядом хату, задержал взор на иконах в святом углу, после чего начал свою речь:

– Ты, слепая, кончай тут собирать у себя всяких мракобесов, подкулачников и другой антисоветский сброд! А то не посмотрю

на твою слепоту, отправлю на Соловки молиться, там как раз твои братья и сёстры усердно молятся. Там тебе будет хорошая компания, тебе подобные: монахи, юридивые, даже святые, горвят, имеются там. Если не прекратишь этот бардак, так и знай, второй раз предупредить не буду, выпишу пропуск туда, куда сказал уже тебе. Слух то ты имеешь? А то потом скажешь, что ещё и глухая.

Лукерья Александровна была обижена физическим недостатком, но не благородством души своей, ибо она была не из какого там захудалого рода, потому, услышав такое оскорбление в свой адрес в её душе, вероятно, разыграла гордость всех её далёких предков. После небольшой паузы, грубо, понизив голос, глядя на НКВДшника подслеповатыми глазами, один из которых явно показывал эту слепоту своей белой пеленой затянутого зрачка, сказала на своём хохляцком языке:

– Я тэби так скажу, нелюдь! Нычого ты зо мною нэ зробиш! Я в своеи хати Богу молюся, а шо до мэнэ ходють люды, то нэ грих даже для твоей власти. А сдыхать мени усё равно дэ, шо на твоих Соловках, шо тут в своей хати. Так лучше я сдохну тут, можеш ты хочь сычас тут убыть. Вы скикэ людей угробылы?! На кладбищи уже хоронить нигдэ, в балки хоро-

нють – дэ нызя! И нас послидних рано или позно довыдытэ до смэрти! Шо ты хо- дыш – людэй лякаеш, за тобой самом смэрть слидом ходэ. Нэ довго тыби осталось нашу зэмлю топтать! Свой извыргы, такиж, як ты, и убьють тыбэ! Будь вы прокляты! Як вас ище зымля носэ, кода она ужэ провальца пид вамы!

Перевод на русский:

Я тебе так скажу, нелюдь! Ничего ты со мною не сдела- ешь! Я в своём доме Богу молюсь, и то, что до меня люди при- ходят, так это не преступление, даже для твоей власти. А помирать мне всё равно где, что на твоих Соловках, что здесь, в своём доме. Так лучше я умру здесь, можешь меня хоть сейчас здесь убить. Вы сколько народу угробили?! На кладбище уже хоронить негде, в балке хоронят – где нельзя! И нас по- следних, рано или поздно доведёте до смерти! Что ты хо- дышь? – людей пугаешь, за тобой следом смерть по пятам ходит. Недолго тебе осталось нашу землю топтать! Ваши изверги – такие же, как ты и убьют тебя! Будь вы прокляты! Как вас ещё земля носит, когда же она уже провалится под вами?!

Представитель НКВД, от такого услышанного даже опешил. Он никак не ожидал полу- чить такой резкий отпор. Немного за- мявшись, снисходительным тоном сказал:

– Да ты больше ведьма, чем боговерующая! Раскаркалась тут... – посмотри! Да молитесь вы тут сколько хотите! Песни свои не горланьте на всю улицу. И что за народ?! Им добра желаешь, а они сами на рожон прут!

С этими словами, он, выходя из хаты, со всей силы захлоп- нул дверь так, что с потолка отвалился кусок глины, упав на по- рог, рассыпался в кусочки и пыль. Лукерья Алексан- дровна по- смотрела на порог на кусочки белой глины, сказала: «То и с ва- ми скоро будет!». Через минуту с улицы донёлся стук копыт уда- ляющейся лошади. Лукерья Александровна как в воду глядела, предсказав посетителю ближайшее будущее. Вскоре новый нарком, теперь уже НКВД – Лаврентий Берия, начнёт избавлять- ся от сотрудников Ежова: начнутся чистки, а под них попадёт и опорный пункт в селе Ильинка, его упразднят, а вместе с ним заодно и троих служителей предыдущего ОГПУ – отправят на тот свет. Потому как вдруг выяснилось, что оказывается, они пере- старались, многовато людишек на тот свет спровадили и в Си- бирь лишних работяг отослали, а теперь остались одни убогие, немощные да никчёмные и в колхо- зах, оказывается, работать некому, а значит – не будет городу так необходимого хлеба, масла, мяса и прочего продовольствия. За такое по головке не погладишь! Когда народ узнал об уча- сти уполномоченных ГПУшников, сожалений не было: «Собакам собачья смерть!» —

сказали многие жители Глебовки. В дальнейшем все полномо- чия получили участковые при каждом сельском совете, ему вы- дали лошадь к бидарке, отдельный кабинет, а семью обеспечи- ли жильём и пайком. От этих новшеств народу жить стало не легче. Люди ходили задумчивые, часто оглядывались, прежде чем что-то сказать, а больше держали язык за зубами, помня поговорку: «Язык – твой первый враг». Годы особо жестоких ре- прессий, слава Богу, обошли село стороной. В этой глухомани, после всех тех передряг, по сути трагедии про- стых крестьян, ко- торым подвергалось село и жители его на протяжении послед- них полтора десятка лет, репрессировать было уже некого. Кого надо, тех давно уже сопровождали туда, куда надо; осталась одна нищета, зато все равны между собой, всё – по ленинскому заве- ту, как и задумывалось изначально. Если и этих дожать – кто же тогда на земле работать будет? И так чуть было не извели под корень, струхнули даже, что перестарались с чисткой: «Без жратвы так можно остаться!». Сверху сыпались требования: больше мяса, молока и масла, зерна и шерсти. Власть, в конеч- ном счёте, получала всё сполна, оставляя для крестьян столько – лишь бы с голоду не передохли.

Незаметно для всех пришёл день, когда девятнадцатилетние Саша Квачёв и Ваня Бережной подлежали призыву в ряды Красной армии: двоюродные братья родились в один тот злощастный семнадцатый год. В тот год из села новобранцев призвали много, народ даже волноваться стал: «Никак власть снова надумала воевать?». Для власти народ обмануть сложно даже тогда, когда ей кажется, что глупое и необразованное стадо холопов поверило в их утопию. Потому как, народ заранее всё плохое своей задницей предчувствует, ибо не кому-то, а ему придётся отдуваться за все идиотские выходки правителей. Ваня Бережной отправился служить в далёкое Забайкалье. В тридцать восьмом начался военный конфликт с японцами у озера Хасан, где вскоре и очутился Бережной Иван. Поначалу, как это было и раньше и, будет продолжаться в ближайшие годы, наша доблестная Красная ар-

мия будет нести большие потери, встанет в очередной раз вопрос о поражении. За это несчастное и ни кому неизвестное озеро Хасан угробили столько ни в чём не повинных молоденьких ребят, которые бежали, держа винтовки наперевес образца времён царя гороха на японские пулемёты. А песня: «Гремя огнём, сверкая блеском стали...», почему-то не сработала. То было начало; потом Ханкин-Гол; затем Финляндия; ну а позорный и страшный сорок первый о нём и говорить не стоит, там наши «гении и вожди» отличились по-настоящему: сдавая армии, а вместе с ними куски своей территории по площади как половина Европы. В далёкой Манчжурии Ваня Бережной получил своё первое боевое крещение, первое пулевое ранение и первую медальку за то проклятое озеро, которого бы век не видать. Воинский путь Александра Квачёва сложился куда менее воинственно. А то, о чём когда-то советовала ему его мать, оказалось несбыточным. Шлейф – «Сын белогвардейца» – тянулся за ним так, что оторваться от него был один лишь способ – это лишиться себя жизни, другого способа не существовало. НКВД за этим зорко следила. Отправили служить на Урал в места грандиозных строек индустриализации – Магнитогорск. Плавильные домны и прокатные станы, цеха и электростанции, карьеры и дороги, ну и бараки для себя – вот что предстояло построить зекам и воинам, таким как Саша. Когда срок службы подошёл к концу, то ни о каком продлении её не могло быть и речи, ну разве что продолжать вкалывать по десять-двенадцать часов на стройке и спать в деревянном бараке ничем не отличающемся от тех, в которых спят политические зеки. В канун отбытия из части домой с каждым таким солдатом как Саша имел личную беседу особист, который курировал данную часть. Капитан долго листал дело на Квачёва Александра, а тот в это время стоял посреди кабинета вытянувшись в струнку. Наконец, подняв голову, поглядев на Сашу, сказал:

– Тут я смотрю – у тебя одни похвалы да благодарности; толи ты хитрый и примазаться хочешь, нутро настоящее своё скрыть, толи и, правда, дурной на работу? Но, в общем-то, ничего: неда-

ром тебя государство три года кормило, пожалуй, что отработал честно. Слушай, Квачёв, а зачем скажи тебе уезжать? Съезди в отпуск, повидай родных ну и опять сюда. Работать ты, как я погляжу, умеешь. Мы тебя для начала бригадиром поставим. Ведь всё равно сюда вернёшься, только на сей раз уже под конвоем, это я тебе без всякой туфты говорю. Тогда придётся всё сначала начинать, а то – сразу бригадир. Мой совет тебе – оставайся. Иди

– подумай, надумаешь – заходи можно и без стука.

Саша ещё больше вытянулся в струнку, и как учила мать, бойко ответил:

– Я подумаю, товарищ капитан, обязательно подумаю.

– Ну-ну, иди, думай, – сказал особист и захлопнул папку с личным делом.

На следующий день Саша получил проездной билет до станции Кушёвка, сухой паёк на семь дней и отбыл на родину. К особисту он так больше и не пошёл. Он, может быть, и остался бы, но была одна причина, из-за которой он не мог пересилить себя – это сам Урал. Здесь ему было всё чуждо. То скопление народа кругом; эти постоянно дымящие трубы мартенов, от которых порой дышать было нечем; постоянный грохот и суета. Саша при- вык к раз-

долью и тишине южных степей к ласковому солнцу, пению степных птиц, к скачке верхом на лошади так, что ветер в ушах свистит. Сама атмосфера бытия чужда ему была здесь: остаться здесь – это заживо похоронить себя, – так он думал, – стоя в тамбуре вагона и глядя на проплывающие мимо холмы и скалы старых Уральских гор. Слова капитана постоянно звучали в его голове, он старался мыслями отвлечь себя, старался думать о доме, о предстоящей встрече с родными, но уже через минуту мысли вновь возвращались к тому, о чём так хотелось забыть. Он не мог понять, в чём он провинился в этой жизни, что судьба к нему столь не благосклонна? Саша много всегда читал, теперь, думая о своей участи он сравнивал себя с неприкасаемыми в далёкой Индии. Неужели, – думал он, – и у нас может быть, что-то подобное? Получается, что может! Спусти неделю, пройдя все

мытарства в дороге с многочисленными пересадками, Саша прибыл в родную деревню. Радости и ликования, с которыми его встретили, описать было бы сложно. Наденька, налетев со всего разбега, чуть было с ног его не сбила. Остальные от радости больше плакали, видя его живым и невредимым.

– Да ты уже почти невестой стала! – прокричал Саша, взяв под мышки Надю и поняв верх, – совсем взрослая, ну и Надька!

– А ты как думал, – ответила Надя, – я уже даже в школу не хожу, в колхозе телятницей работаю, – хвастливо заявила она. Саша легонько отстранил Надю в сторону, подошёл к матери, обнял её, не произнося ни слова, положил свою голову ей на плечо так и застыл надолго. Уже через три дня Саша работал в колхозе. В тот год в семье Виктора Алексеевича случилось прибавление в семействе, родилась ещё одна девочка, которой дали имя Зоя. Надя действительно не пошла в очередной пятый класс, а вместо него отправилась на ферму колхоза «Пролетарий» в помощницы ухаживать за телятами. Самой ей пока что ещё телят не доверяли. Колхозы, так или иначе, оставались единственным источником пропитания для жителей деревни, потому-то с каждым прожитым годом эта ненавистная система-режим в совсем ещё недалёком прошлом приживалась в умах, как и в самой жизни крестьян. Урожаи последних лет были хорошие, может быть единственное, что радовало селян: потому как, получив в конце года на каждый заработанный трудодень натуроплату, голодная смерть уже не грозила.

Встретив сына, Любовь Филипповна, не стала говорить никому об этом, но в душе радовалась, что сын не послушался её совета и вернулся домой. Сын для неё являлся единственным свидетелем и памятью о муже: о той такой короткой и счастливой жизни. Дочери, обзаведясь семьями, как то отошли от неё в сторону с годами. Со стороны выглядело как будто всё по-доброму, всё хорошо, но она-то чувствовала то отчуждение, которое от матери не скроешь. И одна лишь внучка Надя как-то сглаживала те шероховатости, которые ис-

ходили со стороны дочерей, а в особенности от Полины, которая последнее время и дорогу забыла к матери. Теперь она с утра до вечера только и думала о сыне: старалась каждый раз придумать новые блюда и откормить сына после трёхлетнего скудного пайка. Одного она не могла знать, что пройдёт всего каких-то полтора года, которые останутся в памяти до последнего её вздоха и Сашу вновь призовут в числе первых мобилизованных на фронт.

После долгого весеннего ненастья отшумевших по балкам и оврагам весенних ручьев, наконец-то стало припекать и солнце; протаптывались первые сухие тропинки по деревне, подсыхали дороги, а взгляд селянина каждодневно устремлялся на свой личный огород, тая нетерпение выйти туда с лопатой и ведром семенной картошки. Долгое время стоявшая распутица, так измучившая селян, подавала надежду, что уйдёт наконец-то окончательно в этом году. По буграм, за прибрежной полосой разнотравья и на распаханых участках, которые просыхали намного раньше, начали сев яровых зерновых. Четвёрка впряженных лошадей тащила за собой сеялку, а на склоне балки вдали пытел трактор «Керзон», который тоже тащил сеялку на своих железных колёсах с шипами, напоминающих из картинки школьного учебника доисторического монстра. Весна в этом году, как и во все предыдущие годы, ничем

не отличаясь, не предвещая беду, и если в ней и была какая-то своя особенность, то разве что была она сорок первой в этом столетии.

Любовь Филипповна, по просохшей тропинке подымаясь на подъём переулка, который спускался к мосту через реку, направлялась к дочери. Навстречу ей шёл Кошевой Митрий: был он старше Любовь Филипповны годов на пятнадцать, когда то они даже дружили семьями. Ещё до прихода к власти большевиков Кошевой был одним из зажиточных на селе, но раскулачиванию, как в начале двадцатых, так и в начале тридцатых годов не подвергался. С Германского фронта он явился уже коммунистом, а когда встал вопрос об имуществе зажиточных се-

мей всё своё добро добровольно сдал в колхоз до последнего построения к лошадиной сбруе. Спускаясь по переулку к берегу реки, на плече он нёс рыболовные сети, намотанные на колья, а когда поравнялся с Любовью Филипповной, остановился, близко-руко прищурившись, вглядываясь в неё словно узнавая, сказал:

– Никак ты, Люба? Еле признал... – постарела ты что-то! Ну, здравствуй. А я иду, смотрю, что-то знакомое, а признать не могу, наверное, уже совсем слепым и старым становлюсь.

Любовь Филипповна ответила на приветствие и решила поговорить с ним, потому как знала, что человек он хоть уже и не молодой, но в активе сельского совета имеет авторитет и своё слово, к которому, как говорили, зачастую прислушиваются, а иногда его даже приглашают в район на какие-то там собрания. Ещё говорили, что он имеет орден боевого Красного знамени, врученный ему самим командующим фронтом Михаилом Фрунзе: где-то там – за бои на южной Украине. Орден свой он не носил, да и не показывал никому и за подвиги в Гражданской войне тоже помалкивал. Со временем, может быть, поняв, что воювал совсем не за то, о чём тогда думал и чему верил, постепенно от активной партийной жизни отошёл, ссылаясь на возраст и болячки. По природе человек он был добрый, покладистый, а во время последней компании по раскулачиванию благодаря его заступничеству некоторые жители села избежали участи быть отправленными в Сибирь.

– Как там, Люба, твой служивый?

– В колхоз пошёл работать: пока поставили помощником тракториста, он в армии многому чему научился и в технике хорошо разбирается. Теперь у меня свой кормилец в доме: с его возвращением и на душе светлей стало.

– Давай, Люба, присядем во-о-он на тот просохший бугорок, а то меня что-то ноги последнее время мучают, – сказал Кошевой, снимая с плеча сети, после чего положил их на обочину дороги. Затем нарвал сухого бурьяна, выстелил им место и пригласил Любовь Филипповну присаживаться:

– Вот... решил лодку заодно проверить и сети поставить. Рыба после зимы жирной должна быть... жена попросила: пойдешь – говорит – может, поймаешь хоть пескарей да бубырей каких. Ну, рассказывай, как свой век вдовий на плечах коротаешь?

– Живу, дядь Митя – куда деваться: одна радость – сын вот из армии вернулся да внуки ещё, иду вот к ним. Дядь Мить, всё мучаюсь сомнениями, в душу страх закрадывается, и спросить вроде как не у кого: в газетах пишут много, но многое я не понимаю. Я ведь ради этого даже газету «Правда» выписала. Ты вот человек партийный, на собраниях бываешь, скажи честно – война будет? В газете всё так запутанно написано: то какие-то ноты протеста, то мирный договор с Германией и тут же о проволочках с их стороны, как говорят, без попа не разберешься, объясни мне, если можно.

– Чего тут, Люба, объяснять: судя по настроению Германии – война рано или поздно будет. Я этих немцев ещё в германскую войну изучил. Паршивый народ скажу тебе; всё на чужое зарятся, всё им неймётся: то земли им мало, то кто-то нападать на них собирается, какую-нибудь гадость, но придумают лишь бы бойню развязать. Лично с моей точки зрения,

так за те все века, что они народам горя столько принесли их уже давно пора под- чистую с лица земли стереть, чтобы дальше людям спокойней жить стало. Жадность и корысть главная черта их характера: ку- чу дерьма, гад, наложит, бриджи свои на подтяжках на жирную задницу как у хорошей бабы натянет и ещё сволочь оглянется – посмотрит на свою кучу дерьма и сожалеет, что домой не смог донести. Вот это и есть сущность этого народа. Об одном сожа- лею, что мало я их там на тот свет отправил. Кабы не царь со своей припадочной царицей да не про- дажные генералы, кото- рыми он себя окружил, мы бы их ещё в шестнадцатом году в бараний рог согнули. А в жизни сама знаешь, если кому морду хорошо намылят второй раз не суётся. Я ведь чего к большеви- кам- то прислонился?.. да по той же самой причине, что бардак

кругом в армии и власть в стране пора было менять. Я, Люба по- нимаю, за сына своего боишься он у тебя единственный. У меня тоже сыновья, также боюсь за них, сам бы пошёл вместо них да не возьмут уже, стар стал. А от супостата хорошего ждать не приходится, навер- няка скоро ползет! Слаба наша страна ещё для войны, ещё бы этак годиков с десятков, потом и силами можно было бы померяться.

– А с финнами чего не поделили, зачем с ними – то воевали?

– Финны, говоришь? То особая история. У них там те же немцы всем заправляют. Сидели, суки, в бинокли всё разгля- дывали окраины Ленинграда. А что такое Ленинград? Это, прежде всего – колыбель революции, а они на самые окраины орудий своих натягали; в случай чего, по городу надумают стрелять в городе снаряды взрываться будут, вот и отогнали их подальше. Немцев тоже не мешало бы отогнать подальше – не стоило их в Польшу пускать, а то теперь они у нас под носом сидят. От нас с тобой, Люба, ничего не зависит и, если что, хо- чешь – не хочешь, а сыновей придётся отдать, кто же страну защищать будет? Часто вспоминаю твоего Саньку, добрый бое- вой был хлопец. Зря сгубил себя. За кого воевать-то было?! За царицу- немку, которая с потрохами Россию продала да с Рас- путинным тягалась, как сучка?! А Нико- лашка?!.. С утра уже опо- хмелился и лыка не вяжет. За таких воевать?! Я ещё в шестна- дцатом понял, что большевикам править страной. По их дис- циплине и организованности: иной раз даже на фронте прини- мали на себя командование и наводили порядок. Офицеров то повы- били всех, вместо их прислали желторотиков, которых ма- теринской титькой ещё кормить надо. Были случаи, когда не- мец такой артиллерийский концерт устроит, а нам-то и отве- тить нечем – ни одного снаряда, а этот юный прапорщик сидит в уголку траншеи, молится и маму зовёт одно, и тоже повторя- ет. Даже жалко их было.

– Думала, дядь Мить, что утетишь, а ты ещё больше меня расстроил. Что же это у нас за жизнь-то такая... от одного горя ещё не очухались, а на пороге новое стоит? Видно так и помру, не дождавшись спокойных времён. Вот иногда думаю, – будет ли время, когда на земле совсем войн не будет?

Немного подумав, Митрий Кошевой глядя вдаль на проти- воположный берег реки куда- то за горизонт, сказал:

– Ещё, будучи на Германском фронте, был у нас в полку один прапорщик из благородных. Фамилия у него немецкая трудно выговариваемая, потому не запомнил, знаю, что кня- жеского рода. Перед отправкой на фронт был он разжалован до чина прапорщика. Не знаю, за какие грехи, но знаю, что со- стоял он в партии эсеров. Так вот он говорит, что война – это реальное бытие человека. Не мирная жизнь – а война; и я – го- ворит он – сейчас вам это докажу. Человечество воевало все- гда и на всём пространстве земного шара: воевало, воевало – сколько себя помнит. Любая страна или же отдельно взятый народ, лишь только прекратит активные боевые действия тут же начинает готовиться к новой войне, львиную долю всех своих средств отправляя на вооружение. Получается мирной жизни как таковой не существует, есть лишь небольшая пауза, это как в бою – передышка для того чтобы перегруппироваться и снова в бой. Если хорошо подумать над его словами, то полу- чается, что он прав.

Любовь Филипповна глубоко вздохнула, поднявшись на ноги, отряхнула юбку со всех сторон, попрощалась и пошла дальше. Беседа разбередила душу ещё больше, у неё даже злость появилась на старого человека. Перейдя на разговор сама с собой, она с горечью говорила: «И чёрт, прости меня господи, дёрнул остановиться с ним! Думала душу отвести, может, утешит чем, а он наговорил такого, что хоть иди да топись. Вот болтун старый, а ещё коммунист!..».

Прошлая зима была снежной. Старики говорили, что это к урожаю. В балках и оврагах ещё дотаивал снег, речки не успевают сбрасывать воду и с каждым днём берега всё больше покрывались ею. Во многих местах огороды были затоплены до самых сараев, а те скирды соломы, которые стояли на краю огорода постепенно уплывали вслед за потоком воды.

Любовь Филипповна вернулась домой от дочери уже к вечеру, находясь всё ещё под впечатлением разговора с Кошевым, затеяла разговор с сыном всё на ту же тему:

– По дороге встретила старого Кошевого, говорит, что война будет. Ты что-нибудь об этом слышал?

– Об этом в деревне все только и говорят, да и газеты, если внимательно почитать, между строчек намёков найти можно не мало.

– Ты недавно из армии... вас таких в первый же день призвут; мне-то каково?..

– Мама, ну не сидеть же мне возле тебя, если Родину надо будет защищать?!

– Родину, а с ней большевиков заодно.

– Нет, мама, ты глубоко заблуждаешься, большевики тут не причём, да и вообще, кто – бы ни был у власти хоть сам дьявол – Родина и народ – всегда остаются вне обсуждения. Это обязанность каждого встать на защиту Отечества.

– Вон ты какой?! Ну-ну просвети мать... – а то днём один просвещал так, что я ему чуть было в морду не плюнула, благо, что сдержалась.

– Мама, не злись, пожалуйста. Ты живёшь ещё критериями прошлого века, то есть – дореволюционными взглядами, а на дворе уже скоро середина двадцатого века. А что насчёт большевиков, так нравятся они кому-то или не нравятся – это даже значения мало имеет, потому как они ведь тоже не вечны: рано или поздно придут другие, может быть во стократ хуже их, но и тех народу придётся терпеть. Так было всегда. Русь сколько веков монголов терпела, но и их конец пришёл. Власть и Родина —

это две совсем разные вещи, и смешивать их было бы глупо. За длинную историю России власть всякая была, а народ и Родина оставались прежними. Ты, мама, не пугайся, что я хочу сказать, но может быть, для меня война – это даже лучше. Там, если не убьют, я свою биографию исправлю. Война всегда делала поправку в биографиях людей. Одних людей война делала хорошими, других наоборот плохими – это зависело, кто чего стоил. На войне трудно сфальшивить, там человек сразу открывается, если ему даже этого порой и не хочется. Вот и я хочу стать полноправным гражданином своей страны. Чем всю жизнь быть изгоем, лучше сразу показать чего ты стоишь, но для этого нужны особые условия, одним из которых и является война.

– Ты, сынок, вполне взрослым стал, откуда только не могу понять такие у тебя рассуждения? В школе, кажется, этому не учили.

– У нас в части, где я служил, помимо стройки была хорошая библиотека, которую я за три года, пожалуй, почти всю перечитал. Там было много умных книг да даже те же Маркс и Энгельс: они ведь были, прежде всего, философами, а потом уже как фундаменталисты коммунизма, но даже и в этом учении они преуспели и я лично во многом с ними согласен. Совсем другое дело, когда их учение изуверски выворачивают наизнанку, извращают саму суть идеи и учения, всё на свой лад начинают претворять в жизнь; но Маркс и Энгельс в том не повинны ведь, что идиоты, всё поняли по-своему.

– Ладно, давай оставим этот разговор, может ты в чём-то и прав, я ведь не настолько учёная, чтобы оспаривать твои взгляды, – сказала мать примирительно.

Больше она не заводила разговоров на эту тему. После и спустя годы она часто будет, слово в слово вспоминать тот разговор: анализируя и примеряя к разным ситуациям, которые могли сложиться там – на фронте у её сына. И каждый раз в ней крепла уверенность в том, что Саша её с честью выполнил свой воинский долг перед Родиной, как и его отец когда-то не нарушил присягу царю и Отечеству. В первый месяц начала войны Саша уйдёт на фронт, и в тот же год она получит извещение —

«Пропал без вести». Прочитав, ноги подкосятся, она долго будет сидеть под стеной своего дома, не крича и не плача, словно в параличе. Невозместимая горькая утрата, как ледяное прикосновение твари, ползучей змеи навалится на душу и сердце её. Это сильно подкосит её здоровье, а впереди ещё предстоит пережить немецкую оккупацию. Последующие годы, вплоть до самой своей смерти она будет ждать своего сына и всегда утверждать, что он живой. Она никогда не станет заказывать в церкви батюшке, чтобы он помолился за упокой её сына, как не будет ставить и свечи за это. Говорят, – материнское сердце никогда не обманывает, может быть так оно и есть. В июне сорок первого переступив порог своего дома, простившись с родными, Саша, будто в бездну шагнул, потому, как с той минуты от него не было ни единой весточки. В сорок первом году первые месяцы войны оказались самыми тяжёлыми для нашей Армии. Попавших в плен были миллионы; убитых и не похороненных, заваленных в траншеях и окопах тоже миллионы. И нам гадать о его судьбе, тем более, что-то выдумывать и писать об этом, было бы несправедливо даже по отношению к нему самому. Сорок первый лишь и будет славен тем, что никогда за всю историю России не было столько без вести пропавших. Когда армия всё время отступает, а местами бежит, все те, которые остались по ту сторону становились без вести пропавшими, ибо установить – погиб человек или в плен попал – было невозможно. Не будет сказано в упрек остальным защитникам и участникам войны – заслуга их безмерна! Мы приведём лишь статистику.

Село Глебовка, а также близлежащие к нему хутора и сёла: Ильинка и Полтавчинское, выставило на защиту своего Отечества поистине настоящих воинов и патриотов своей Родины. Даже, если посмотреть послевоенный список воинов награждённых и особенно отличившихся в боях – героев Советского Союза и награждённых орденами особо высокими и количество их, то именно эта ме-

стность, будто плодородная почва для героев отличается от других станиц и хуторов района обилием настоящих доблестных воинов защитников Отечества. И это лишь те, о которых нам стало известно. Неизвестных, как мы знаем в сотни раз больше. Если, кто-то сомневается в выше сказанном, это легко проверить и сравнить.

На третий день войны с раннего утра были запряжены лошади во все брички и линейки. Готовились к отправке мобилизованных в райцентр: тех резервистов, которые должны были, не дожидаясь повесток прибыть в военкомат. Телефон в кабинете председателя сельсовета разрывался от постоянных звонков: в трубку из района кричали, почему долго чухаетесь и чтобы к обеде были все у военкомата. Во дворе сельсовета уже собрались все те, которые готовы были на отправку, а больше тех, кто провозжал их. Многие вчерашние солдаты, которые не успели износиться на работу в колхозе гимнастёрки, галифе и кирзовые сапоги, обрядились в военную одежду, а надев её, вдруг, почувствовали

– будто они и не уходили из армии. Провожать первых защитников Родины, как всегда с давным-давно заведенной традиции ещё первыми поселенцами, вышла вся деревня до последнего немощного старика и старухи. Прощались за околицей села; и когда уже длинная вереница гужевого транспорта с народом вытянутой змеей по дороге удалялась вдаль, скрываясь за склоном бугра напротив Нижней Глебовки, народ всё шёл и бежал следом по пыльной

дороге, спотыкаясь и плача. Они словно чувствовали, что повеяло духом гибели для большинства ребят, для тех, кого сейчас проводили и никогда уже не увидят.

Прибывших резервистов у военкомата встретили отборной бранью, потому как на станции стоял уже состав с теплушками, в которых разместились мобилизованные со всего района. Подбежавший к столпившимся у телег провожающим и резервистам офицер быстро стал сортировать их на две группы, одних отогнал на одну сторону дороги, вторых на другую. Выстроил мобилизованных вдоль дороги, открыл папку и стал выкликывать фамилии, на которые те откликались:

– Гончаров, Гойда, Алейников, Вивчарь, Гайдамака, Квачёв, Ермоленко, Украинский, Бережной, Бурнус, Сердечный, Скрипник, Коржов, Жураков, Яглыч, Щербанёв, Полторацкий, Полтавский, Мирошниченко, Шаршак...

Наконец, офицер дочитал длинный список фамилий, убедившись, что все на месте, скомандовал: «Направо! Марш к машинам».

Впоследствии будут призываться по повесткам из военкомата. В сорок третьем, когда немцев прогонят за реку Миус за Таганрог, призовут тех, кто родился в двадцать пятом году и тех, кому уже по пятьдесят; и уже самом конце войны уйдут последние мобилизованные – двадцать шестого и двадцать седьмого годов рождения. После того как проводили первых защитников на фронт село будто осиротело, у него словно душу вынули. Уже не было слышно по вечерам на улицах не то что песен, а даже обычного весёлого смеха. Даже в голодный тридцать третий таковой печали не ощущалось; из села ушли лучшие из лучших целое поколение молодых парней.

Любовь Филипповна проводив сына на фронт, совсем было слегла в постель. Надя переехала жить к бабушке, домой забегая лишь по пути с работы. С началом войны на ферме работы всем добавилось: с каждым днём женщины всё больше занимали рабочие места тех, кто уходил на фронт. О самой войне читали лишь в газетах; всем казалось, что фронт далеко; ни кому и в голову не приходило, что он может оказаться здесь у тебя в самом доме, а после укатиться далее на восток. Если бы кому-то в голову взбрело подобное что-то тогда сказать?.. в лучшем случае – плюнули бы в лицо, а то и побили бы. В колхозе стали работать иначе: теперь чаще требовали и подгоняли начальство сами колхозники: работали столько, сколько требовала на то сама работа, забыв и о трудовых и обо всём на свете; была лишь одна в голове у каждого мысль – это всё для тех, кто на фронте: для наших мужей и сыновей. Наде, всего-то тринадцатилетней девочке приходилось работать наравне с взрослыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.